

ДИАНА СЕТТЕРФИЛД

ТЮКА
ТЕЧЕТ
РЕКА

The Big Book

Диана Сеттерфилд

Пока течет река

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Сеттерфилд Д.

Пока течет река / Д. Сеттерфилд — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-16687-5

Впервые на русском – новейший роман Дианы Сеттерфилд, прославленного автора «Тринадцатой сказки», признанного шедевра современной английской прозы, который заставил критиков заговорить о возвращении золотого века британского романа, овеянного именами Шарлотты и Эмили Бронте и Дафны Дюморье, и разошелся по всему миру на 40 языках тиражом свыше 3 миллионов экземпляров. В самую темную и длинную ночь в году, в день зимнего солнцестояния, в древний трактир «Лебедь» на берегу Темзы вваливается израненный незнакомец с мертвой девочкой на руках. Однако несколько часов спустя девочка оказывается живой. Что это – чудо? Волшебство? Или можно найти научное объяснение? И главное – кто она такая? Пропавшая два года назад дочь мистера и миссис Воган? Или, может быть, внучка фермера Роберта Армстронга, о существовании которой он узнал лишь накануне да так и не успел повидать? Ведь «Лебедь» – не просто древнейший трактир в округе; уже давно сюда приходят для того, чтобы слушать и рассказывать истории – злободневные анекдоты, или старинные предания и легенды, или волшебные сказки. Так что история таинственной девочки должна вплестись в полотно, ткущееся опытными рассказчиками уже много веков...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16687-5

© Сеттерфилд Д., 2018

© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Часть 1	8
История начинается...	8
Тело без истории	16
Чудо	23
История начинает расходиться	29
Притоки	40
Что ты об этом думаешь?	42
Миссис Воган и речные гоблины	47
Старая история	52
Ночной кошмар Лили	60
Мистер Армстронг в Бамптоне	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Диана Сеттерфилд

Пока течет река

Diane Setterfield
ONCE UPON A RIVER

Copyright © 2018 by Third Draft

This edition published by arrangement with Sheil Land Associates and Synopsis Literary Agency All rights reserved

© В. Н. Дорогокупля, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моим сестрам, Мэнди и Пауле. Без вас я не была бы такой, какая есть сейчас

*За пределами этого мира есть и другие миры.
Существуют места перехода между ними.
Вот одно из таких мест.*

Часть 1

История начинается...

Стоял себе когда-то тихо-мирно трактир на берегу Темзы у Рэдкота, в полном дневном переходе от истока реки. В ту пору заведений подобного сорта в верховьях Темзы было хоть отбавляй, и путник запросто мог набраться под завязку в любом из них; плюс ко всему каждый трактир, помимо традиционных эля и сидра, мог предложить клиентам и нечто из ряда вон. В келмскоттском «Красном льве» это была музыка: лодочники без устали пикикали на скрипках, а сыроделы жалостно пели о потерянной любви. «Зеленый дракон» в Инглшеме идеально подходил для спокойных раздумий в хорошо прокуренном помещении. Если вы были азартным игроком, вас ждал «Олень» в Истон-Гастингсе, а любителям помахать кулаками не найти было места лучше «Плуга» на окраине Баскота. «Лебедь» в Рэдкоте также имел свою специфику. Там рассказывались истории.

«Лебедь» был древним трактиром – возможно, древнейшим во всей округе. Он состоял из трех частей, построенных в разное время: одна часть была старой, другая очень старой, а третья еще старее. Все три сливались в одно гармоничное целое благодаря общей тростниковой крыше, повсеместной замшелости каменной кладки и плетям плюща, равномерно покрывающим стены. Летом сюда наезжали однодневные туристы из городков вдоль недавно построенной железной дороги, чтобы взять напрокат плоскодонку с шестом или веслами, затариться элем и устроить пикник на реке, но в холодное время года «Лебедь» посещали только местные жители, собиравшиеся в зимнем зале. Это была скромно обставленная комната в самой старой части трактира, с единственным окном в толстой стене. При свете дня вдали за окном были видны три безмятежно незыблемые арки Рэдкотского моста, под которыми струились воды Темзы. По ночам (а эта история начинается ночью) мост растворялся во мраке, и, только ориентируясь на низкий монотонный шум огромной массы воды, вы могли разглядеть в той стороне полосу особой, плывучей и зыбкой тьмы, которую выделяла из общего фона энергия ее собственного движения.

Никто не знал доподлинно, откуда пошла традиция рассказывать истории в «Лебеде», но это может быть как-то связано с битвой у Рэдкотского моста¹. В 1387 году, за пятьсот лет до ночи, когда началась эта история, у моста встретились две большие армии. Кто и почему – слишком долго и вряд ли стоит объяснять, но исход был таков: лишь три человека – рыцарь, оруженосец и какой-то мальчишка – пали от руки врага, но еще восемь сотен душ сгинули в здешних болотах, спасаясь бегством. Да, именно так. *Восемь сотен душ*. А это уже нешуточная история. Их кости лежат в земле там, где ныне раскинулись плантации кресс-салата. Люди в этой округе традиционно выращивали кресс-салат на заболоченных лугах, собирали урожай, упаковывали его в ящики и баржами отправляли в города ниже по реке, но сами это растение никогда в пищу не употребляли, сетуя на неприятный вкус: мол, такую горечь и в рот не возьмешь. Да и кому охота питаться тем, что было возвращено призраками мертвых? Когда подобные битвы случаются у самого порога вашего дома, а потом истекающие трупы отравляют вашу питьевую воду, вполне естественно, что вы потом будете без конца пересказывать эту историю. И в силу множества повторений постепенно разовьете свой талант рассказчика. А когда эта

¹ *Битва у Рэдкотского моста* – столкновение между армией короля Ричарда II во главе с его фаворитом Робертом де Вером и войсками мятежных лордов, состоявшееся 19 декабря 1387 г. Застигнутые врасплох и окруженные, роялисты частью сдались в плен, а частью попытались выйти из окружения через болото, но спастись удалось лишь немногим из них. – *Здесь и далее примеч. перев.*

тема уже перестанет быть актуальной, ваше внимание переключится на другие вещи: почему бы не использовать приобретенные навыки, рассказывая все новые и новые истории?

Хозяйкой «Лебеда» была Марго Окуэлл. Сколько помнили старожилы, этот трактир всегда принадлежал Окуэллам – вполне возможно, с самого дня его основания. Правда, по закону ее звали Марго Блисс, ибо она была замужем, но законы что-то значат лишь для горожан, а здесь, в «Лебеде», она оставалась одной из Окуэллов. Это была женщина приятной наружности, без малого шестидесяти лет. При этом она без видимых усилий могла приподнять дубовую бочку и столь крепко держалась на ногах, что вообще никогда не испытывала потребности присесть. Ходили слухи, что она даже спит стоя, однако же она произвела на свет тринадцать детей, так что ей несомненно иногда случалось и прилечь. До Марго в трактире хозяйничала ее мать, а ранее – ее бабушка и прабабушка, и местные давно уже принимали как должное тот факт, что «Лебедем» заправляют женщины. Так уж оно повелось издавна.

Мужа Марго звали Джо Блисс. Он был родом из Кембла, что в двадцати пяти милях от Рэдкота выше по течению, буквально в двух шагах от того места, где Темза появляется из-под земли в виде крохотного родника – настолько крохотного, что его трудно отличить от обычной лужицы среди травы. Все Блиссы были потомственными доходягами. Они рождались хилыми и болезненными, чтобы по большей части покинуть этот мир в самом начале жизненного пути. Дети Блиссов с каждым прожитым годом становились все более бледными и чахлыми, пока не угасали совсем – обычно до десятилетнего, а нередко и до двухлетнего возраста. Немногие выжившие, включая Джо, к своему совершеннолетию были ниже ростом и тщедушнее большинства своих сверстников. Зимой их тела сотрясал кашель, сопровождаемый хроническим насморком и слезотечением. А по натуре своей они были людьми добрыми и покладистыми, с кротким взглядом и приветливой улыбкой, редко сходящей с лица.

Восемнадцати лет от роду, будучи сиротой, непригодным к физическому труду, Джо покинул Кембл, чтобы найти себе занятие по душе – сам еще не представляя, какое именно. Выбор пути был на все четыре стороны – в этом смысле Кембл ничуть не хуже любого другого места на земле, – но река обладает особым рода притяжением, и надо быть совсем уже не от мира сего, чтобы не пойти вслед за ее водами. Так Джо добрался до Рэдкота и, мучимый жаждой, заглянул в местный трактир. Худосочный юноша, с вялыми прядями черных волос на – по контрасту – чересчур бледном лице, тихо сидел в углу, потягивал эль из бокала, поглядывал на хозяйскую дочку и прислушивался к рассказам завсегдатаев. Это было так непривычно и увлекательно: очутиться среди людей, которые во всеуслышание рассказывали истории сродни тем, что крутились у него в голове с малолетства. И когда по завершении очередного рассказа возникла пауза, он открыл рот и начал: «Однажды, давным-давно...»

В тот день Джо Блисс нашел свое призвание. Темза привела его в Рэдкот, и здесь, в Рэдкоте, он остался. Немного попрактиковавшись, он научился подбирать верный тон для историй любого типа, будь то злободневные анекдоты, старинные предания и легенды, переложения фольклорных тем или волшебные сказки. Его подвижное лицо могло передавать самые разные эмоции – удивление, тревогу, испуг, облегчение и так далее – не менее убедительно, чем лица профессиональных актеров. И еще он обладал на редкость выразительными бровями. Густые и черные, эти брови участвовали в процессе повествования наравне с его голосом. Они сходились у переносицы с приближением особо значимого эпизода, подергивались, обращая внимание слушателей на какую-то важную деталь, или выгибались дугой с намеком на то, что данный персонаж может быть не тем, кем кажется поначалу. Следя за его бровями, вникая в их сложный танец, вы улавливали нюансы рассказа, которые в ином случае могли бы остаться незамеченными. За несколько недель регулярных вечерних посиделок в «Лебеде» он убедился в своей способности завораживать слушателей. Он также сумел заморозить Марго, а она еще ранее заморозила его.

В конце месяца Джо протопал шестьдесят миль до одного селения в стороне от реки, где проводилось состязание рассказчиков. Он победил в этом состязании, а все призовые деньги потратил на обручальное кольцо. В Рэдкот он вернулся посеревшим от измождения, с неделю отлеживался, приходя в себя, а затем предстал перед Марго, опустился на одно колено и сделал ей предложение.

– Даже не знаю... – сказала ее мать, узнав эту новость. – Может ли он работать? Зарабатывать на жизнь? Как он будет обеспечивать семью?

– Проверь нашу выручку за последнее время, – посоветовала Марго. – И ты увидишь, насколько больше стало клиентов с тех пор, как Джо начал рассказывать свои истории. Допустим, я ему откажу, ма. Он может уйти отсюда в любое другое место. И что тогда?

Это было правдой. В те дни посетителей у них заметно прибавилось; они приходили даже из отдаленных местечек и засиживались дольше обычного, слушая истории Джо. И все, конечно, покупали выпивку. «Лебедь» процветал.

– Но здесь бывает столько сильных, красивых парней, которым ты нравишься, – не лучше ли выбрать кого-то из них?

– Мне нужен только Джо, – сказала Марго твердо. – Я люблю истории.

И она настояла на своем.

С той поры прошло почти сорок лет, и за это время семья Марго и Джо сильно разрослась. В первые двадцать лет брака у них появилась дюжина здоровых дочерей. Все с густыми темно-русыми волосами и крепкими ногами, как у Марго. Теперь это были пухленькие разбитные молодки, улыбчивые и никогда не унывающие. Все они благополучно вышли замуж. Одна была чуть полнее, другая чуть стройнее, одна чуть выше, другая чуть ниже, одна чуточку смуглее, другая чуточку блее, но во всем прочем они настолько походили друг на друга, что даже завсегдатаи «Лебеда» не могли их различить; а когда выдавались особо хлопотные дни и дочери приходили в трактир помочь родителям с обслуживанием, их всех скопом и каждую в отдельности называли Марготками. После рождения двенадцатой дочурки в пополнении семейства наступила долгая пауза, и Джо с Марго решили, что она уже вышла из соответствующего возраста, но потом случилась последняя беременность, и на свет явился Джонатан, их единственный сын.

Короткошей и круглолицый, с миндалевидными раскосыми глазами, изящными ушами и тонким носом, с языком, который казался чересчур большим для его вечно растянутого в улыбке рта, Джонатан разительно отличался от остальных детей. С годами выяснилось, что отличия эти не только внешние. Теперь ему было пятнадцать, но если другим подросткам его возраста не терпелось поскорее стать мужчинами, то Джонатана вполне удовлетворяла перспектива прожить всю свою жизнь в трактире вместе с мамой и папой; ничего иного он и не желал.

Марго все еще была энергичной и привлекательной женщиной, а волосы Джо побелели, хотя брови оставались такими же черными, как в юности. Ему уже исполнилось шестьдесят, а для Блиссов это очень преклонный возраст. Люди приписывали такое относительное долголетие неустанным заботам Марго. В последние годы он временами был настолько слаб, что по два-три дня не вставал с постели. Лежал с закрытыми глазами, но не спал – нет, в эти периоды он посещал какие-то места за пределами сна. Марго спокойно реагировала на эти его упадки сил. Она топила камин, чтобы воздух в комнате был сухим, подносила к его губам чашку с теплым бульоном, расчесывала его волосы и приглаживала брови. Заходившие его проведать сразу начинали тревожиться при виде больного, каждый хлюпающий вдох которого, казалось, мог стать последним, но Марго сохраняла спокойствие.

– Не волнуйтесь, он выздоровеет, – говорила она.

И он действительно всякий раз выздоравливал. Он был Блиссом, только и всего. Это речная вода просочилась внутрь Джо и заболотила его легкие.

Была ночь зимнего солнцестояния, самая долгая ночь в году. Неделю за неделей дни сокращались, сначала понемногу, затем все быстрее, так что темнеть начинало уже вскоре после обеда. Как известно, по мере удлинения лунных часов ослабевает связь человеческих существ с их искусственными, механическими часами. Люди начинают клевать носом в полдень, могут задремать при свете дня, чтобы затем, проснувшись, глядеть широко открытыми глазами в ночную тьму. Это время магии. И когда границы между ночью и днем утончаются до предела, то же самое происходит и с границами между мирами. Сны и фантазии сливаются с реальностью, живое соприкасается с мертвым на встречах курсах, прошлое и настоящее накладываются друг на друга. В это время могут происходить самые невероятные вещи. Могло ли зимнее солнцестояние как-то повлиять на загадочные события той ночи? Об этом судите сами.

Теперь, когда вы знаете все, что вам нужно знать для начала, пора приступить к собственной истории.

Бражники, собравшиеся в «Лебеде» той ночью, были завсегдатаями: в основном работяги с гравийных карьеров или салатных плантаций да матросы с речных барж, а также лодочный мастер Безант и старик Оуэн Олбрайт, который полвека назад уплыл вниз по реке до самого моря и через двадцать лет вернулся в родные места богачом. Ныне его мучил артрит, и только крепкий эль вкупе с хорошей историей помогал на время забыть о боли в костях. Вся компания сидела здесь еще с вечерних сумерек, опустошая и повторно наполняя свои пивные бокалы, прочищая и снова набивая ядреным табаком свои трубки – и рассказывая истории.

Олбрайт вернулся к битве у Рэдкотского моста. Конечно, любая история, если ее пересказывать на протяжении пятисот лет, может несколько наскучить, но рассказчики находили возможности каждый раз оживлять ее новыми вариациями. Определенные вещи были четко зафиксированы в хрониках и в устной традиции: перемещение армий и их встреча, гибель рыцаря и его оруженосца, восемь сотен утонувших в болоте вояк, – но к смерти мальчика это не относилось. О нем вообще не имелось никаких сведений, кроме того, что жил некий мальчик, который не в добрый час оказался у Рэдкотского моста и там умер. А отсутствие достоверной информации уже давало простор воображению. Всякий раз, возвращаясь к этой истории, трактирные рассказчики оживляли неизвестного мальчишку только затем, чтобы умертвить его заново. За все эти годы он умирал бесчисленное число раз, все более экстравагантными и затейливыми способами. Когда история принадлежит вам, вы можете позволить себе вольное изложение. Но это позволялось только местным – горе любому чужаку, если он заявится в «Лебедь» со своей версией происшедшего. Неизвестно, как бы отнесся сам мальчик к своим периодическим воскрешениям, но в данном случае важно запомнить тот факт, что для рассказчиков и посетителей «Лебеда» подобные воскрешения не были чем-то совсем уж противоестественным.

На сей раз Олбрайт выдумал юного циркача, который сопровождал войско и развлекал солдат во время привала. Жонглируя несколькими ножами, он поскользнулся в грязи и упал на спину, а ножи вонзились в сырую землю рядом с ним – все, кроме последнего, который угодил мальчишке прямо в глаз и убил его мгновенно. Это случилось еще до начала сражения. Новая придумка вызвала одобрителный гул, который, впрочем, быстро стих, позволяя рассказчику довести историю до конца уже по давно накатанной колее.

Далее возникла пауза. Считалось дурным тоном сразу начинать новую историю, не дав людям времени на осмысление предыдущей.

Джонатан был одним из самых внимательных слушателей.

– Я бы тоже хотел рассказать историю, – заявил он.

Несмотря на его улыбку – а улыбался он всегда, – эти слова были сказаны и восприняты всерьез. Он не был тупицей, хотя его учеба в школе не заладилась: другие дети насмехались

над его необычным лицом и странным поведением, и через несколько месяцев он перестал посещать занятия. Чтение и письмо он так и не освоил. Но зимние завсегдатаи «Лебеда» давно привыкли к младшему Окуэллу со всеми его странностями.

– Что ж, попробуй, – предложил Олбрайт. – Расскажи нам что-нибудь.

Джонатан задумался. Он открыл рот и замер, ожидая, что вот-вот оттуда сама собой выйдет наружу какая-нибудь история. Но ничего не вышло. Его лицо потешно скривилось, а плечи затряслись от беззвучного смеха над самим собой.

– Не могу! – воскликнул он, отсмеявшись. – Ничего не получается!

– Значит, в другой раз. Попробуйся немного, и, как только будешь готов, мы тебя выслушаем.

– Тогда ты расскажи историю, папа, – попросил Джонатан. – Расскажи!

Это был первый вечер Джо в зимнем зале после очередного приступа слабости. Он все еще был очень бледен и до сей поры сидел молча. В таком состоянии никто не ждал от него рассказа, но он среагировал на просьбу сына и с кроткой улыбкой устремил взгляд в дальний верхний угол комнаты, зачерненный многолетними наслоениями сажи и никотина. Именно оттуда, как полагал Джонатан, его отец выуживал свои истории. А когда Джо снова взглянул на собравшихся, он уже был готов к рассказу – и начал:

– Однажды, давным-давно...

В этот миг отворилась дверь.

Час был слишком поздний для новых посетителей. Кто бы то ни был, он не спешил входить. Струя холодного воздуха пригнула дрожащее пламя свечей и наполнила дымную комнату резкими запахами зимней реки. Бражники дружно повернули головы в сторону двери.

Все глаза это увидели, но долгое время никто никак не реагировал. Они пытались осмыслить то, что предстало их взорам.

Мужчина – если вошедший являлся мужчиной – был высок и атлетически сложен, но его лицо было настолько уродливым, что зрители невольно отшатнулись. Кто это мог быть – какое-нибудь чудовище из старой страшной сказки? Или им всем снился один и тот же кошмарный сон? Кривой приплюснутый нос, а под ним вместо рта – зияющий провал с темной кровью в глубине. Одно это могло бы напугать любого, но вдобавок к тому жуткое существо несло на руках большую куклу с восковым лицом, такими же восковыми конечностями и гладкими волосами.

Из оцепенения их вывел пришелец. Сначала он взревел – звук был таким же бессмысленно уродливым, как и рот, из которого он вырвался, – а затем покачнулся и начал заваливаться навзничь. Два батрака успели вскочить со стульев и подхватили его как раз вовремя, иначе он разможил бы затылок о каменные плиты порога. Одновременно от камина метнулся Джонатан и, вытянув руки, поймал падающую куклу, солидный вес которой застал врасплох его суставы и мышцы.

Кое-как опомнившись, они уложили бесчувственного человека на стол. Еще один стол был придвинут под его ноги. Распрямив тело, они выстроились вокруг, подняв над ним свечи и лампы. Веки лежащего не дрогнули.

– Он что, помер? – озадачился Олбрайт.

Реакцией на эти слова стали нахмуренные лбы и невнятное бормотание присутствующих.

– Надо похлопать по щекам, – предложил кто-то. – Может, это его оживит.

– Глоток виски лучше поможет, – возразил кто-то другой.

Марго протолкалась к изголовью и внимательно осмотрела мужчину:

– Никаких пощечин. Только не по лицу в таком состоянии. И не лейте ничего ему в глотку. Погодите.

Она взяла подушку, лежавшую на скамье рядом с очагом, и вернулась к столу. При свете лампы разглядела белый конец стерженька, торчавший из наволочки. Подцепила его ногтями и выдернула из подушки пуховое перо. Все недоуменно следили за ее действиями.

– Навряд ли ты сможешь пробудить мертвеца щекоткой, – сказал гравийщик. – Да и живого тоже, если он в беспамятстве.

– Я не собираюсь его щекотать, – ответила она. И положила перышко на губы мужчины.

Бражники глядели во все глаза. В первую секунду ничего не произошло, а затем пух слегка шевельнулся.

– Он дышит!

Но чувство облегчения быстро сменилось новым беспокойством.

– А кто он вообще такой? – спросил баржевой матрос. – Кто-нибудь его знает?

За этим вопросом последовало несколько минут многоголосого шума. Один старожил уверял, что знает всех без исключения людей на берегах реки от Касл-Итона до Даксфорда – а это добрый десяток миль, – но этого типа видит впервые. Другой, часто навещавший свою сестру в Лечлейде, не припомнил, чтобы кто-то похожий попадался ему в тех краях. Третий вроде бы где-то его встречал, но чем больше он вглядывался в человека на столе, тем меньше был готов рискнуть звонкой монетой в споре, подкрепляя свои слова. Четвертый предположил, что он может быть из речных цыган, которые как раз в это время года обычно сплавлялись вниз по Темзе. Местные относились к ним с понятным подозрением и не забывали по вечерам накрепко запираť двери, предварительно занеся со двора в дом всю мало-мальски ценную утварь. Но данная версия отпала при одном лишь взгляде на добротную шерстяную куртку и дорогие кожаные ботинки незнакомца. Ничего общего с цыганским отребьем. Пятый после долгого вдумчивого созерцания торжествующе объявил, что ростом и комплекцией это точь-в-точь старина Лиддьярд с фермы Уайти – да и цвет волос разве не тот же самый? Однако шестой указал ему на старину Лиддьярда, который в ту самую минуту стоял по другую сторону стола; и вдумчивый созерцатель не смог отрицать очевидное. После этого обмена репликами все они – первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой и прочие – пришли к выводу, что незнакомец *действительно* не знаком никому из них. По крайней мере никто его не опознал. Хотя, чему тут удивляться, при такой-то расквашенной роже?

Наступившее затем озадаченное молчание было прервано голосом седьмого:

– Что же такое с ним стряслось?

Одежда незнакомца пропиталась водой, и от него исходил запах реки – этакий мутный зеленовато-коричневатый запах. Несчастье произошло на воде, в этом сомнения не было. Они заговорили о разных опасностях, подстерегающих людей на Темзе, которая всегда готова сыграть злую шутку даже с самыми опытными речниками.

– Опрокинулась лодка? Может, мне пойти ее поискать? – вызвался лодочный мастер Безант.

Тем временем Марго смывала кровь с лица пострадавшего, делая это быстро, но по возможности бережно. Она невольно вздрогнула, отвернув края глубокой раны, которая расщелила его верхнюю губу, так что два раздвинутых лоскута кожи обнажили осколки зубов и окровавленное нёбо.

– Забудьте вы о лодке, – сказала она. – Сперва надо заняться человеком. Тут дело серьезное, я сама не справлюсь. Кто сбегает за Ритой?

Она огляделась и остановила свой выбор на одном из молодых батраков, который был трезвее других по причине банального безденежья.

– Нит, парень ты вроде резвый. Сможешь быстро добраться до дома лекарши и позвать ее сюда? Только без спотыканий и падений – второй калека за одну ночь будет уже перебором.

Резвый парень отбыл без промедления.

А Джонатан все это время держался в стороне от остальных. Промокшая кукла оттягивала ему руки, и он сел на стул, примостив ее у себя на коленях. Подумал о драконе из папьемаше, которого использовала в своей постановке труппа бродячих актеров на прошлое Рождество. Дракон был твердым и легким, а если постучать по нему пальцами, отзывался сухим гулким «тат-тат-тат». Но эта кукла была сделана из другого материала. Вспомнились тряпичные куклы, набитые рисом, – те были мягкими и увесистыми. Но ему еще не случалось видеть куклу таких размеров. Джонатан понюхал ее голову. Пахло рекой, но никак не рисом. Кукольная шевелюра состояла из натуральных волос, и он не смог понять, каким образом эти волосы прикреплены к голове. Ухо было воистину безупречным – не иначе как делалось по слепку с настоящего человеческого уха. Он подивился ресницам, идеально ровным и подогнанным одна к одной. Коснулся пальцем их упругих, влажных, щекочущих кончиков, и веко чуточку приоткрылось. Бережно, с максимальной осторожностью, он дотронулся до поверхности века и ощутил под ней нечто гладкое, округлое, одновременно твердое и податливое.

Какое-то темное, смутное чувство вдруг овладело его сознанием. Предоставленный самому себе – его родители и завсегдатаи трактира собрались у стола, – он слегка встряхнул куклу. Ее рука соскользнула с колена Джонатана и свободно закачалась над полом, как не должны качаться руки обыкновенной куклы. Он ощутил внутри себя что-то вроде мощной, стремительно растущей приливной волны.

– Это настоящая девочка.

Над полумертвым незнакомцем продолжался спор, и никто не услышал Джонатана.

Он повторил, на сей раз громче:

– Это настоящая девочка!

Спорщики обернулись на голос Джонатана.

– Но она не просыпается, – добавил он.

Джонатан приподнял маленькое тело в мокрой одежде, чтобы другим было лучше видно.

Они подошли и окружили Джонатана. Дюжина пар глаз уставилась на девочку.

Ее кожа тускло мерцала, как вода пасмурным днем. Складки хлопчатобумажной рубашки облепили ее ноги, а голова повернулась и склонилась под углом, какой не мог быть предусмотрен ни одним кукольником. Она была не куклой, а настоящей девочкой, о чем никто из них не догадался, хотя теперь это казалось очевидным. Какой же мастер станет вкладывать массу труда в создание столь совершенной куклы, чтобы затем нарядить ее в простенькое платье под стать бродяжкам и нищенкам? Кому взбредет в голову придать кукольному лицу такой жутковатый, безжизненный цвет? Какой творец, помимо самого Господа, способен создать эту линию скул, эту ножку с пятью очень разными, детально проработанными пальцами. Разумеется, это была маленькая девочка! И как получилось, что они не заметили этого сразу?

В комнате, всегда полной речей и споров, теперь стояла тишина. Отцы вспоминали своих отпрысков и мысленно клялись впредь относиться к ним только с любовью, и никак иначе. Пожилые мужчины, не имевшие детей, горько сокрушались по этому поводу, а бездетные молодые люди всем сердцем жаждали когда-нибудь побаюкать на руках собственных малышей.

Наконец это молчание было нарушено.

– Боже правый!

– Она мертва, бедная крошка.

– Утонула!

– Положи перо ей на губы, мама!

– Ох, Джонатан, для нее это слишком поздно.

– Но с мужчиной это получилось!

– Нет, сынок, он дышал и до этого. Просто перышко показало нам, что в нем еще осталась жизнь.

– Может, она остается и в ней!

– Увы, эта бедняжка скончалась, по ней сразу видно. Она не дышит, да и цвет лица – взгляни на ее кожу. Кто отнесет несчастное дитя в длинную комнату? Сделай это, Хиггс.

– Но там сейчас холодно, – запротестовал Джонатан.

Мать погладила его по плечу:

– Ей это не навредит. Сейчас она уже не с нами. А в тех местах, куда она отправилась, холодов не бывает.

– Позволь мне самому ее нести.

– Ты понесешь фонарь и откроешь дверь для мистера Хиггса. Она тяжеловата для тебя, мой милый.

Дюжий гравийщик взял девочку из слабеющих рук Джонатана и поднял ее с такой легкостью, словно она весила не больше гуся. Джонатан с фонарем шагнул впереди, освещая путь. Они вышли наружу, завернули за угол дома и направились к небольшому каменному флигелю. За дубовой дверью обнаружилось узкое вытянутое помещение без окон, используемое в качестве кладовой. Земляной пол, голые стены, никогда не знавшие штукатурки, покраски или какой-нибудь другой отделки. В теплые месяцы это место отлично подходило для кратковременного хранения ошипанных уток или улова форели, а в такую зимнюю ночь холод здесь пробирал до костей. По всей длине одной из стен тянулась низкая полка, на которую Хиггс и поместил маленькое тело. При этом Джонатан, вдруг вспомнив о хрупкости папье-маше, успел придержать голову девочки – «чтобы не повредилась».

Хиггс приблизил фонарь к лицу девочки.

– Ма говорит, что она мертва, – сказал Джонатан.

– Это верно, малец.

– Ма говорит, что она сейчас в другом месте.

– Так и есть.

– По виду она все еще здесь.

– Но ее мысли уже не с ней. Ее душа отлетела.

– А может, она просто спит?

– Нет, малец. Иначе она бы уже проснулась.

В мерцающем свете фонаря по неподвижному лицу скользили тени, а его теплый свет пытался скрасить мертвенную бледность кожи, но это не могло послужить заменой внутреннему свечению жизни.

– Однажды была девушка, проспавшая целых сто лет. Потом ее разбудили поцелуем.

Хиггс раздраженно поморщился:

– Это всего лишь сказка.

Круг света переместился с лица девочки на пол под ногами Хиггса, когда тот направился к выходу, но уже в дверном проеме обнаружил, что Джонатан не идет за ним следом. Развернувшись, он поднял фонарь как раз вовремя, чтобы заметить, как Джонатан наклоняется и целует детский лоб.

Несколько мгновений Джонатан сосредоточенно смотрел на девочку. Потом ссутулил плечи и отвернулся.

Они покинули флигель и заперли за собой дверь.

Тело без истории

В двух милях от Рэдкота жил врач, но никто даже не подумал послать за ним. Он был стар, брал за лечение втридорога, а после этого лечения его пациенты частенько отдавали концы, что не очень-то вдохновляло. Вместо этого они поступили разумнее: послали за Ритой.

И вот через полчаса после того, как незнакомца уложили на сдвинутые столы, снаружи раздались шаги, дверь отворилась, и в трактир вошла женщина. Если не считать Марго и ее дочерей, которые были такой же неотъемлемой частью «Лебеда», как его дощатые полы и каменные стены, сюда редко заглядывали женщины, так что все глаза сразу нацелились на Риту Сандей. Она была среднего роста при нейтральном – ни светлом, ни темном – цвете волос. В остальном же ее внешность усреднению не поддавалась. Как правило, оценивающий взгляд мужчин отмечал недостатки практически во всем. Слишком высокие и острые скулы, слишком большой нос, слишком широкий и выступающий вперед подбородок. У нее был красивый разрез глаз, но им не очень подходил серый цвет, как и манера слишком пристально вглядываться в окружающий мир из-под идеально симметричных бровей. Она уже достигла того возраста, когда женщину перестают называть молодой, и многие ее сверстницы более не удостаивались мужских оценок, но с Ритой было иначе, поскольку – даже при не очень эффектной внешности и тридцати с лишним годах одинокой жизни – какая-то изюминка в ней все же сохранилась. Может, причиной тому была ее личная история? Известная в округе лекарка и повитуха, она родилась в женском монастыре, где и жила до совершеннолетия, а медицинские знания и навыки приобрела в монастырской лечебнице.

Итак, Рита вошла в зимний зал «Лебеда». Как будто не замечая устремленных на нее взглядов, она деловито расстегнула пуговицы и сняла скромное шерстяное пальто. Платье под ним было темным, без всяких украшений.

После этого она сразу направилась к столам, на которых лежало окровавленное и по-прежнему бесчувственное тело.

– Я нагрела для тебя воду, Рита, – сказала Марго. – И приготовила куски ткани, все чистые. Что еще нужно?

– Больше света по возможности.

– Джонатан принесет лампы и свечи со второго этажа.

– Еще понадобится... – вымыв руки, Рита осмотрела разорванную губу незнакомца, – понадобится бритва и человек с умелой и твердой рукой, чтобы его побрить.

– С этим справится Джо, верно?

Джо кивнул.

– И спиртное. Самое крепкое, какое у вас есть.

Марго отомкнула замок особого шкафчика, достала оттуда зеленую бутылку и поставила ее рядом с сумкой Риты. Бражники тотчас впились глазами в сосуд. Отсутствие на нем этикетки предполагало, что внутри находится местный самогон, достаточно крепкий, чтобы свалить с ног любого.

Двое речников, державших лампы над самой головой мужчины, наблюдали за тем, как Рита исследует дыру, некогда бывшую его ртом. Двумя испачканными в крови пальцами она вынула оттуда сломанный зуб. Через несколько секунд к нему добавилась пара других. Затем ее чуткие пальцы прошли по его все еще влажным волосам. Она проверила каждый дюйм черепа.

– Травмировано только лицо. Могло быть хуже. Теперь давайте снимем с него эту мокрую одежду.

Бражники, казалось, вздрогнули все разом. Незамужняя женщина не может раздевать мужчину, не нарушая при этом естественный порядок вещей.

– Марго, – спокойно продолжила Рита, – не проследишь за мужчинами, когда они будут это делать?

Она повернулась спиной к остальным и начала выкладывать на соседний стол разные предметы из своей сумки. Марго призвала добровольных помощников быть осторожными при снятии одежды – «Мы не знаем, в каких еще местах он может быть ранен, так что не сделайте ему хуже!», – а иногда и сама расстегивала пуговицы и развязывала шнурки опытными материнскими руками, если кто-то был для этого чересчур пьян или недостаточно ловок. На полу постепенно вырастала груда снятой одежды: военно-морской бушлат со множеством карманов (под стать курткам речников, только из лучшей материи), ботинки из прочной кожи с новыми подметками, настоящий ремень вместо веревочного пояса, каким обходятся простые матросы, кальсоны из чесаной шерсти и вязаная безрукавка под войлочной рубахой.

– Кто он? Вы это выяснили? – спросила Рита, не глядя в их сторону.

– Вряд ли кто-то из нас встречал его раньше. Но сказать точно нельзя, ведь на нем и лица-то нет.

– Его куртку вы уже сняли?

– Да.

– Тогда пусть Джонатан проверит карманы.

Когда она вновь повернулась к столу, незнакомец был раздет догола, и только белый носовой платок на причинном месте служил защитой для его скромности и для репутации Риты.

Она вновь почувствовала на себе взгляды искоса.

– Джо, надо побрить его верхнюю губу как можно чище. Понятное дело, выйдет не очень, но ты уж постарайся. И бережнее в районе носа – он сломан.

Далее Рита приступила к осмотру. Сначала ощупала ступни, затем перешла к лодыжкам, голеням, икрам... Ее белые руки отчетливо выделялись на фоне смуглой обветренной кожи.

– А он явно не был домоседом, – заметил гравийщик.

Рита ощупывала кости, связки, мышцы, при этом стараясь не смотреть на голое тело, словно ее пальцы видели все даже лучше, чем ее глаза. Так она продвигалась без задержек, сразу определяя, что в данном месте все в порядке.

На правом бедре пальцы Риты начали обходить стороной белый платок – и вдруг остановились.

– Посветите здесь, пожалуйста.

По всему боку пациента тянулась глубокая ссадина. Рита смочила жидкостью из зеленой бутылки тряпицу и приложила ее к ране. Стоявшие вокруг мужчины сочувственно поморщились, однако пациент даже не шевельнулся.

Рука незнакомца, вытянутая вдоль бедра, распухла вдвое против нормального. Пятна крови чередовались на ней с участками бледной, как бы обесцвеченной кожи. Рита обтерла руку проспиртованной тряпицей, но некоторые пятна удалить не получилось даже с двух-трех попыток. Они скорее походили на чернильные кляксы, чем на синяки и засохшую кровь. Заинтересовавшись, она приподняла руку, чтобы рассмотреть пятна поближе.

– Он фотограф, – заявила она.

– Разрази меня гром! С чего ты взяла?

– Поглядите на его пальцы. Видите эти отметины? Они от нитрата серебра. Его используют при проявке фотографий.

Пока все остолбенело переваривали эту новость, она быстро осмотрела участки по периметру белого платка. Прощупала брюшную полость и убедилась в отсутствии внутренних повреждений, затем двинулась выше, выше, сопровождаемая светом ламп, пока платок не затерялся в тени, и теперь мужчины могли быть спокойны: Рита вернулась в рамки приличий.

Частично сбритая густая борода не сделала облик незнакомца менее отталкивающим. Изуродованный нос стал еще заметнее, а рваная рана от губы до щеки выглядела в десять

раз хуже, когда ее полностью открыли для обзора. Глаза, обычно в первую очередь оживляющие лицо человека, скрылись под отеками веками. На лбу вздулась кровавая шишка; Рита извлекла из нее щепки чего-то похожего на темное дерево, промыла ранку и после этого переключила внимание на рассеченную губу.

Марго подала ей иглу с нитью, предварительно простерилизовав их спиртным. Рита проткнула кожу иглой, и в этот момент огонек свечи задрожал в чьей-то нетвердой руке.

– Все, кому трудно стоять, присядьте, – распорядилась она. – Хватит мне одного пациента.

Но никто не пожелал садиться и тем выказывать свою слабость.

Рита сделала три аккуратных стежка, протягивая нить через края раны. Некоторые мужчины отворачивались, а другие смотрели не отрываясь, как замороженные. Шутка сказать: человеческое лицо сшивали, словно какой-нибудь порванный воротник.

Когда с этим было покончено, раздался дружный вздох облегчения.

Рита критически оглядела свою работу.

– Теперь он посмотрится получше, – признал один из речников. – Хотя, может статься, мы просто притерпелись к его виду.

– Хм... – произнесла Рита с сомнением.

Она потянулась к лицу незнакомца, зажала его нос между большим и указательным пальцем и резко повернула. Раздался неприятный хрустяще-хлюпающий звук смещаемых костей и хряща – и тут же пламя свечи отчаянно заметалось из стороны в сторону.

– Держите его, быстрее! – вскричала Рита, и во второй раз за эту ночь паре проворных батраков пришлось подхватывать падающего человека – теперь это был гравийщик, у которого подкосились ноги.

При этом свечи всех троих упали на пол и погасли, так что финал этой сцены скрылся в полумраке.

– Нелегкая выдалась ночь, чего уж там, – проворчала Марго, когда свечи были подняты и зажжены вновь. – Думаю, будет лучше перенести этого бедолагу в постоянную комнату.

В былые времена, когда Рэдкотский мост был единственной переправой через реку на протяжении многих миль, делавшие крюк путники регулярно останавливались на ночлег в «Лебеде»; и хотя те времена канули в Лету, а спальня в конце коридора давно уже не видела постояльцев, ее по старой привычке называли «постоялой комнатой». Рита проследила за перемещением пациента, которого уложили на кровать и накрыли одеялом.

– Перед уходом я бы взглянула на девочку, – сказала она.

– Хочешь помолиться за упокой несчастного дитя? Дело хорошее.

В понимании местных жителей Рита не только была первостатейной лекаршей, но и – с учетом ее монастырского прошлого – при случае вполне могла бы подменить приходского священника.

– Вот ключ. И прихвати фонарь.

Надев шляпу и пальто, Рита обмотала низ лица шарфом, покинула трактир и направилась к флигелю.

Рита Сандей не боялась мертвецов. К ним она привыкла с детства, да и сама явилась на свет из тела уже мертвой матери. Вот как это произошло: тридцать пять лет назад некая женщина, будучи на сносях и в совершенном отчаянии, бросилась в реку. К тому времени, как ее заметил и вытащил из воды оказавшийся поблизости лодочник, она была уже на три четверти мертва. Лодочник доставил утопленницу в монастырь Годстоу, где сестры выхаживали сирых и убогих. Там она протянула достаточно долго, чтобы начались роды. Но она так и не оправилась от потрясения, была слишком слаба и скончалась во время родовых схваток. Тогда сестра Грейс закатала рукава, взяла скальпель, сделала неглубокий надрез на чреве мертвой женщины и достала оттуда живого младенца. Никто не знал имени матери, да и в любом слу-

чае монахини не называли бы ее именем новорожденную, ибо покойница была повинна как минимум в трех грехах – блудодействе, самоубийстве и попытке умертвить собственное дитя, – и оставлять ребенку хоть какую-то память о ней было бы богопротивным деянием. Посему девочку назвали Маргаритой, в честь одноименной святой, а в обиходе это имя сократилось до Риты. Что же касается фамилии, то, за отсутствием сведений об отце, ее называли Сандей² – в честь праздничного дня Отца Небесного (такова была традиция наименования сирот в данном монастыре).

Юная Рита все схватывала на лету, проявляя особый интерес к медицине, и вскоре для нее нашлась работа в монастырской больнице. Бывают задания, с которыми может справиться даже ребенок: каждый день в восемь утра она убирала постели, стирала окровавленные простыни и наволочки, а в полдень таскала ведра с горячей водой и помогала обмывать умерших. К пятнадцати годам Рита самостоятельно обрабатывала раны, накладывала шины и швы, а к семнадцати научилась всему, что должны уметь медсестры, включая прием родов. Она вполне могла бы остаться в Годстоу, постричься в монахини и посвятить свою жизнь служению Господу и уходу за больными, если бы не откровение, посетившее ее однажды днем во время сбора целебных трав на берегу реки: она внезапно поняла, что другой жизни, помимо этой, не существует. Это была греховная мысль с точки зрения всего, чему ее учили, но вместо чувства вины Рита испытала облегчение. Если не существовало рая, то не было и ада, а если не было ада, то и ее неведомая мать не была обречена на вечные муки, а просто-напросто покинула сей мир, исчезла без лишних страданий. Она сообщила монахиням об этой метаморфозе, и те еще не успели оправиться от священного ужаса, а Рита уже покидала обитель со свертком из своей ночнушки и пары панталон, не прихватив даже расческу.

– Но как же твой долг? – крикнула ей вслед сестра Грейс. – Долг перед Богом и больными людьми!

– Больные есть повсюду! – прокричала она в ответ, а сестра Грейс добавила:

– Как и Бог.

Но последние слова она произнесла тихо, и Рита их уже не услышала.

Молодая медсестра работала сначала в Оксфордской больнице, а позднее, хорошо себя зарекомендовав, получила место ассистентки при одном, весьма просвещенном, лондонском докторе.

– Когда вы выйдете замуж, это станет большой потерей для меня и нашей профессии, – не раз говаривал доктор, замечая, как очередной пациент оказывает ей знаки внимания.

– Замуж? Это не по мне, – всякий раз отвечала она.

– А почему бы и нет? – продолжил он разговор после дюжины таких ответов.

– Я могу принести больше пользы этому миру как медсестра, чем в качестве жены и матери.

Но то была лишь половина правды.

Вторую половину он узнал несколько дней спустя. Они принимали роды у молодой женщины, одних лет с Ритой. Это был ее третий ребенок. В предыдущих случаях все прошло гладко, и не было причин опасаться каких-либо осложнений. Плод был расположен нормально, роды не слишком затянулись, акушерские щипцы не понадобились, плацента отделилась полностью. Но после того им никак не удавалось остановить кровотечение. Кровь текла, и текла, и текла, пока пациентка не истекла ею окончательно.

Доктор вышел в соседнюю комнату для разговора с ее мужем, а Рита тем временем аккуратно сворачивала кровавые простыни. Она уже давно потеряла счет умершим роженицам.

Когда доктор вернулся, у нее все было готово к отбытию. Они молча вышли из дома на улицу. А через несколько шагов она сказала:

² Sunday (англ.) – воскресенье.

– Не хочу умереть таким образом.

– Я вас понимаю, – сказал он.

У доктора был друг, некий джентльмен, который часто навещался к ужину и покидал дом только на следующее утро. Рита никогда об этом не говорила, хотя доктор понимал, что она догадывается о его любовной связи с этим мужчиной. Своим молчанием Рита давала понять, что относится к этому делу спокойно и будет держать язык за зубами и впредь. Через несколько месяцев, хорошенько все обдумав, он сделал ей неожиданное предложение.

– Почему бы вам не выйти за меня? – сказал он как-то раз в перерыве между пациентами. – В нашем браке не будет... сами понимаете чего. Но мне это пришлось бы кстати, да и вы могли бы получить определенные выгоды. И нашим пациентам это понравится.

Она обдумала предложение и согласилась. Они обручились, но незадолго до свадьбы он заболел пневмонией, слег и умер, а ведь был еще молодым. В последние дни жизни он призвал нотариуса, чтобы изменить завещание. Свой дом со всей обстановкой он завещал тому самому джентльмену, а Рите оставил немаленькую сумму денег – во всяком случае, достаточную для пусть и скромного, но независимого существования. Он также завещал ей свою домашнюю библиотеку. Рита продала букинистам все тома, кроме медицинских и научных, упаковала вещи и отправилась вверх по реке. Когда их катер приблизился к Годстоу, она посмотрела на монастырь и вдруг ощутила острую боль, вспомнив о своей утраченной вере.

– Причалить здесь? – спросил лодочник, неверно истолковав ее напряженный взгляд.

– Плыдем дальше, – сказала она.

И они плыли еще один день и еще одну ночь, пока не достигли Рэдкота. Рите приглянулось это место.

– Вот здесь, – сказала она лодочнику. – Это мне подойдет.

Она купила небольшой коттедж, расставила на полках свои книги и оповестила лучшие из местных семейств о том, что у нее есть рекомендательное письмо от лондонского медицинского светила. А после того как она успешно излечила нескольких больных и обслужила дюжину рожениц, ее репутация в округе утвердилась прочно. Теперь лучшие местные семьи не желали видеть никаких других врачей, кроме Риты, если кто-то из них готовился прийти в наш мир либо его покинуть, а равно при всех медицинских кризисах в промежутке между этими событиями. Ее услуги хорошо оплачивались – и на жизнь хватало с лихвой, и понемногу округлялся капитал, полученный от покойного доктора. Некоторые из ее пациентов были достаточно богаты, чтобы позволить себе ипохондрию, и она всегда терпеливо выслушивала их нытье, поскольку щедрая плата за такие визиты позволяла ей брать по минимуму с по-настоящему больных бедняков, а то и вовсе лечить их даром, если врачебная помощь была им не по карману. Свой досуг она проводила дома в тихом уединении, методично штудировала книги из библиотеки доктора (о нем самом она почти не думала и никогда не упоминала в качестве своего бывшего жениха) или занималась приготовлением лекарств.

С той поры Рита прожила в Рэдкоте без малого десять лет. Вид мертвецов ее несколько не пугал – ей нередко доводилось ухаживать за умирающими, наблюдать их угасание и констатировать смерть. Смерть от болезней, смерть при родах, смерть от несчастных случаев. Смерть вследствие злого умысла (пару раз случалось и такое). Смерть могла быть и долгожданной гостьей для зажившихся на этом свете стариков. Монастырская больница Годстоу стояла на самом берегу, так что и утопленников она с юных лет навидалась достаточно.

Именно такая смерть пришла на ум Рите той холодной ночью, когда она быстро шагала к флигелю. Смерть от утопления не была редкостью в этих местах. Ежегодно река забирала несколько жизней. Для этого много не нужно: лишняя порция выпивки, один неосторожный шаг, секундная потеря внимания. Первым увиденным ею утопленником был мальчишка двенадцати лет – лишь годом младше ее самой в то время, – поскользнувшийся, когда пел и дурачился на краю шлюза. Следующим оказался летний пикниковый бражник, который оступился,

выбираясь из лодки на причал, и в падении ударился обо что-то виском, а его приятели были слишком пьяны, чтобы оказать помощь. Потом был выпендренный студент, который золотым осенним деньком сиганул в реку с верхней точки Уолверкотского моста и, возможно, в последний миг жизни еще успел подивиться тамошней глубине и силе течения. Река есть река, в любое время года. Были и молодые женщины, подобные ее матери, – покинутые их возлюбленными и отвергнутые семьями, эти несчастные предпочли позору и нищете объятия речных вод, избавляющие от всего этого. И еще были младенцы, нежеланные комочки плоти, маленькие зачатки жизни, сгинувшие в реке прежде, чем эта жизнь предоставила им хоть какой-то шанс. Все это она видела.

Дойдя до флигеля, Рита повернула ключ в замке. Воздух внутри показался ей даже более холодным, чем снаружи. Этот холод через ноздри проник в носовую полость, явственно обозначая каждый ее изгиб и каждый проход, а оттуда поднялся ко лбу. Вместе с холодом пришли запахи земли, камня и по преимуществу реки. Все ее чувства внезапно обострились.

Слабый свет фонаря не добирался до углов комнаты, но маленькое тело в ее глубине все же проявилось тусклым, серовато-голубым сиянием. Причиной столь странного эффекта была чрезвычайная бледность кожи, но человек с живым воображением мог бы подумать, что лицо и конечности трупа светятся сами по себе.

Приближаясь к девочке, Рита ощутила необычное беспокойство. На вид ей было около четырех лет. Белая кожа. Рубашка без рукавов из самой дешевой материи. Руки и лодыжки обнажены. Все еще влажная материя складчато облепила тело.

Машинально, по усвоенной еще в монастырской больнице привычке, Рита приступила к осмотру. Проверила дыхание. Приложила два пальца к детской шее, нащупывая пульс. Подняла веко, чтобы взглянуть на зрачок. И пока она выполняла эти привычные действия, в сознании ее эхом отдавалась молитва, как будто исполняемая негромким хором женских голосов: «Отче наш, сущий на небесах...» Она это слышала, но ее губы не шевелились в такт.

Нет дыхания. Нет пульса. Зрачки расширены и не реагируют на свет.

Тем не менее странное чувство не покидало Риту. Она стояла над телом девочки, гадая, чем могло быть вызвано это беспокойство. Возможно, виной тому был всего лишь холод.

Мертвое тело можно читать, как книгу, если у вас есть опыт по этой части, а у Риты такого опыта было с избытком. «Когда», «как» и «почему» – все написано в этой книге, надо только иметь верный глаз. И Рита приступила к повторному осмотру, настолько тщательному и всестороннему, что за делом и думать забыла о противном холоде. При мерцающем свете фонаря она, шурясь и наклоняясь ниже, обследовала каждый дюйм детского тела. Она поднимала руки и ноги, проверяла, как сгибаются суставы. Она заглядывала в уши и ноздри. Она проверила полость рта. Она осмотрела каждый палец на руках и ногах. Покончив со всем этим, она отступила назад и нахмурилась.

Что-то здесь было не так.

Склонив голову набок и озадаченно скривив губы, Рита начала вспоминать все, что знала об утопленниках. Она знала, в каких случаях их тела покрываются морщинами и когда они распухают. Она знала характерные особенности их кожи, волос и ногтей. Ничего подобного не наблюдалось в данном случае, но это могло значить лишь то, что ребенок пробыл в воде не очень долго. Со слизью тоже была неясность. При утоплении по краям рта и ноздрей выступает слизь, однако на лице девочки ничего такого не было. Но и этому можно было найти объяснение: девочка попала в воду, уже будучи мертвой. Ладно, допустим. Но тогда возникал еще более тревожный вопрос. Если девочка не утонула, то что с ней произошло? Череп не поврежден; на руках и ногах ни царапины. Нет синяков на шее. Ни одна кость не сломана. Нет признаков травм внутренних органов. Рита знала, на какие мерзости способны некоторые люди, и в ходе осмотра проверила гениталии девочки, но не обнаружила никаких следов надругательства.

Может, она умерла естественной смертью? Однако на больную она совсем не походила. Напротив, судя по весу тела, состоянию кожи и волос, это был совершенно здоровый ребенок.

Вполне достаточно странностей, чтобы сбить с толку, но и это еще было не все. Даже если предположить, что девочка умерла естественной смертью и потом – по каким-то невообразимым причинам – была брошена в реку, на ее теле не могли не остаться следы посмертных повреждений. Царапины от трения о песок и камни, разрывы мягких тканей от контактов с корягами и другими предметами на речном дне. Сила течения здесь такова, что даже у взрослых утопленников ломаются кости, а при столкновении с опорами моста раскалывается череп. Но на этом теле не было ни царапин, ни кровоподтеков, ни разрывов тканей. Оно было в идеальном состоянии. «Как кукла», – сказал ей Джонатан, описывая сцену с падением девочки ему на руки, и сейчас Рита понимала, почему он счел ее таковой в первую минуту. Еще при осмотре она отметила чистоту и гладкость кожи на ступнях девочки – как будто эти ноги никогда не ходили по земле. Перламутровые ноготки были безупречны, как у младенца. То, что смерть не оставила на ней никаких отметин, было очень странно, однако таковых не оставила и жизнь, а это уже выходило за пределы понимания Риты.

Любое тело может рассказать свою историю, как книга, – но тело этого ребенка являло собой девственно-чистый лист.

Рита сняла фонарь с крюка на стене и направила свет в лицо девочки, однако и здесь читать оказалось нечего. Невозможно было представить хоть какой-нибудь отпечаток – мило-видно-кокетливый? робко-задумчивый? хитровато-озорной? – который при жизни могли нести на себе эти пустые, как будто незавершенные черты. Если когда-то это лицо и выражало любопытство, безмятежность или нетерпение, то жизнь не успела запечатлеть следы этих эмоций на внешности.

Еще совсем недавно – не более двух часов назад – тело и душа этой маленькой девочки были единым целым. Эта мысль, несмотря на всю врачебную подготовку и весь жизненный опыт Риты, вдруг вызвала в ней целую бурю чувств. И далеко не в первый раз с тех пор, как их пути с Господом разошлись, ей захотелось обратиться к Нему. К тому самому Господу, который в ее детские годы все видел, все знал и все понимал. Какой же простой была ее жизнь, когда неопытная и растерянная девчонка утешалась верой в Отца Небесного, которому ведомо все в этом мире. Тогда она могла вынести любое собственное незнание, будучи уверена, что Он знает это наверняка. Но сейчас...

Она взяла руку девочки – идеальную руку с пятью идеальными пальцами и ноготками, – положила ее на свою ладонь и накрыла другой ладонью.

Это неправильно! Все это неправильно! Так не должно быть!

И тогда это случилось.

Чудо

Прежде чем Марго погрузила одежду незнакомца в бадью с водой, Джонатан обшарил его карманы. Результат был следующим:

Один размокший пухлый кошелек с изрядной суммой, которой должно было хватить для покрытия любых возможных расходов, и еще осталось бы на угощение всей честной компании после того, как незнакомец придет в себя.

Один мокрый носовой платок.

Одна курительная трубка, в хорошем состоянии, и жестянка с табаком. Открыв плотно прилегающую крышку, они обнаружили, что содержимое не промокло. «Ну хоть что-то его порадует», – рассудили они.

Одно большое кольцо с подвешенными к нему разными хитроумными инструментами, что поставило их в тупик. «Может, он часовщик? – гадали собравшиеся. – Замочный мастер? Или взломщик?» Подсказкой стал следующий предмет.

Одна фотографическая пластинка. Тут они вспомнили темные пятна на его пальцах и слова Риты о том, что он может быть фотографом. Теперь это предположение показалось им более основательным. Инструменты могли быть как-то связаны с этой профессией.

Джо взял снимок из руки сына и осторожно протер его шерстяным рукавом, удаляя капли воды.

На фото был изображен угол какого-то поля, развесистый ясень – и, собственно, все.

– Видал я картинки и получше, – заметил кто-то.

– Тут не хватает церковного шпиля или домика с соломенной крышей, – добавил другой.

– Непохоже, чтобы он снимал что-то конкретное, – произнес третий, озадаченно скребя пятерней затылок.

– Да это же исток Темзы на Трусбери-Миде, – сказал Джо. Только он из всей компании опознал это место.

Остальные не нашли что сказать, а потому просто пожали плечами. Снимок был помещен на теплую каминную полку, и тогда настал черед последнего предмета из карманов незнакомца.

Жестяная коробка с пачкой визитных карточек. Кто-то взял самую верхнюю и протянул ее Оуэну, который считался лучшим чтецом из них всех. Оуэн поднес поближе свечу и прочел вслух:

Генри Донт из Оксфорда

Портреты, пейзажи, городские и сельские виды

Также: почтовые открытки, путеводители, рамки для фотографий

Лучшие виды Темзы

– Рита была права! – вскричали они. – Она говорила, что он фотограф, и вот доказательство.

Оуэн зачитал адрес на Хай-стрит в Оксфорде.

– С кем можно будет завтра переслать это в Оксфорд? – спросила Марго. – Кто-нибудь знает?

– Муж моей сестры баржами возит туда сыр, – сказал гравийщик. – Могу сходить к ним и узнать, когда у него рейс.

– Баржа будет плестись аж два дня.

– Нельзя, чтобы его родные два дня не имели о нем вестей.

– А он точно отправится завтра, этот твой родственник? Если так, он не успеет вернуться домой к Рождеству.

– Значит, остается поезд.

Эту задачу возложили на Мартинса. Завтра у него был выходной на ферме, а его сестра жила в пяти минутах ходьбы от станции в Лечлейде. Было решено, что он переночует в доме сестры, чтобы утром успеть на первый поезд. Марго дала ему денег на билет; он несколько раз вслух повторил оксфордский адрес, чтобы лучше его запомнить, и удалился с шиллингом в кармане и новехонькой историей, уже вертевшейся на кончике языка. У него впереди была шестимильная прогулка по берегу реки, во время которой он сможет эту историю отрепетировать и довести до совершенства, чтобы затем поведать сестре.

Остальные бражники не спешили расходиться по домам. Обычные рассказы в этот вечер более не звучали – кому нужны выдуманные истории, когда на ваших глазах разворачивается самая настоящая? – так что они молча наполнили свои кружки и стаканы, набили трубки и поудобнее уселись на стульях. Джо убрал бритвенные принадлежности и вернулся на свое место, откуда время от времени доносилось его негромкое покашливание. Джонатан, сидевший на табурете у окна, приглядывал за дровами в очаге и за нагаром на свечах. Марго старым вальком утрамбовала мокрую одежду в бадье и хорошенько ее раскрутила, а затем вернула на плиту кастрюлю, наполненную пивом с пряностями. Аромат муската и гвоздики смешался с запахами табака и горящих поленьев, перебивая промозглый речной дух.

Бражники вновь заговорили, пытаясь подобрать слова для превращения событий этого вечера в полноценную историю.

– При виде его в дверях я был поражен. Нет, потрясен. Это слово больше подходит. Потрясен.

– А я прям остоленел.

– И я тоже. Я был потрясен и потом остоленел. А как вы?

Они были коллекционерами слов примерно так же, как многие гравийщики коллекционируют найденные в карьере ископаемые останки. Они все время держали ухо востро, охочие до всего редкого, необычного, уникального.

– А вот я назвал бы себя «ошарашенным».

Для пробы они взвесили это слово на своих языках. Совсем неплохо. Их коллега был удостоен одобрительных кивков.

Он был новичком для «Лебеда» и для здешних рассказов, пока еще только осваиваясь.

– А как насчет «огорошенного»? Могу я так выразиться?

– Почему бы нет? – подбодрили его. – Будь «огорошенным», если тебе так нравится.

В трактир вернулся лодочный мастер Безант. Лодки тоже могут рассказывать истории, и он ходил узнать, что скажет ему эта. Все собравшиеся ждали его слов с нетерпением.

– Я ее отыскал, – сообщил он. – Разбит борт по всей длине. Столкнулась с чем-то ужасным и дала течь. Она была наполовину затоплена. Я выволок ее на берег и перевернул, но отремонтировать уже нет смысла. С этой лодкой все кончено.

– Что, по-твоему, могло приключиться? Лодка врезалась в пристань?

Он покачал головой с уверенным видом:

– Нет, скорее что-то свалилось на лодку. Или ударило сверху. – Он поднял руку над головой и с силой ударил ею по ладони другой руки, иллюстрируя происшедшее. – Это не причал – тогда борт был бы вмят снаружи.

Теперь вся компания начала перебирать вероятные места этого крушения вниз и вверх по реке – фарлонг за фарлонгом³, мост за мостом, – сопоставляя их с повреждениями, которые получили лодка и человек в ней. Все они были речниками в той или иной степени – если и не по профессии, то по привычке жить на берегу реки, – и у каждого нашлось что сказать по этому поводу. В своем воображении они разбивали маленькую лодку о каждый мол и каждый

³ Фарлонг – одна восьмая часть английской мили, равная 220 ярдам, или 201,17 м.

причал, каждый мост и каждое мельничное колесо выше и ниже по течению, но ни одна версия не выглядела убедительной. Наконец дошла очередь до Чертовой плотины.

Эта плотина имела несколько быков из плотно подогнанных друг к другу ясеневых свай, которые были установлены поперек реки через равные промежутки, в свою очередь перекрытые деревянными щитами, толстыми, как стены дома. Щиты можно было опускать и поднимать, то преграждая путь воде, то позволяя ей течь между быками. Обычно лодки огибали плотину по специально устроенному волоку. Рядом на берегу находился трактир, в котором почти всегда можно было найти помощников, которые за порцию выпивки соглашались подсобить с транспортировкой лодки по суше. Но изредка – когда щиты были подняты, а река спокойна – опытные лодочники на достаточно легких и вертких посудинах экономили время, проходя сквозь плотину. Здесь требовалось точно направить лодку по центру узкого прохода и в нужный момент сложить весла, чтобы не разбить их о быки. А при высоком уровне воды лодочнику приходилось еще и нагибаться либо вообще ложиться на спину, чтобы не стукнуться головой о перекрытие над проходом.

Они обсудили все эти опасности применительно к травмам незнакомца. И к повреждениям его лодки.

– Стало быть, это случилось там? – спросил Джо. – Он попал в беду на Чертовой плотине?

Безант взял со стола кусочек дерева размером со спичку. Черный и твердый, он был самым крупным из числа тех, что вынула Рита из раны на голове пострадавшего. Мастер потрогал пальцем кончик щепки и оценил остаточную прочность древесины, несмотря на долгое пребывание в воде. Очень похоже на ясень, а конструкции плотины были сделаны как раз из ясеня.

– Думаю, это так.

– Я не раз проходил Чертову плотину на лодке, – сказал один из батраков. – Наверняка ты тоже?

Безант кивнул:

– Да, когда река мне это позволяла.

– А ты бы попытался сделать это ночью?

– Рисковать жизнью, чтобы сэкономить несколько минут? Я еще не выжил из ума.

Все почувствовали удовлетворение, разрешив хотя бы один из вопросов, связанных с ночными событиями.

– И все же, – произнес Джо после паузы, – если это случилось с ним на Чертовой плотине, как он *оттуда* добрался *сюда*?

Сразу с полдюжины голосов подключились к обсуждению разных теорий, которые одна за другой были признаны несостоятельными. Предположим, после крушения он продолжил грести, пока не добрался до Рэдкота... С такими-то травмами? Исключено! Тогда предположим, что лодка плыла по течению, а он лежал в ней без чувств, но затем пришел в себя и... Плыла по течению? Лодка в таком разбитом состоянии? Сама по себе огибала препятствия в темноте, притом будучи полузатопленной? Исключено!

Они продолжили в том же духе, находя объяснения, годные для половины известных фактов, но не годные для другой половины: когда «что» не согласовывалось с «как», а «где» вступало в противоречие с «почему». В конце концов фантазия их иссякла, а к ответу они так и не приблизились. Как же вышло, что этот человек не утонул?

Какое-то время единственным голосом, слышимым в комнате, был голос реки, а затем Джо кашлянул и набрал в легкие воздуха, готовясь заговорить.

– Возможно, тут не обошлось без Молчуна.

Все тотчас повернули головы к окну, а сидевшие ближе выглянули наружу, в мягкую завесу ночи с проблеском текучей черноты под мостовым пролетом. Молчун-паромщик. О нем знали все. Время от времени он фигурировал в их рассказах, а некоторые клялись, что видели

его своими глазами. Согласно всем этим историям, когда вы были в опасности на реке, откуда ни возьмись возникала костлявая долговязая фигура Молчуна, который так ловко орудовал шестом, что его стремительная плоскодонка казалась движимой какой-то потусторонней силой. Он никогда не произносил ни слова, но доставлял вас на берег в целости и сохранности, чтобы вы могли прожить хотя бы еще один день. Но если кому-то не благоволила судьба, то – по слухам – Молчун отвозил этих несчастных на иные берега, откуда они уже не могли вернуться в «Лебедь», чтобы за пинтой пива рассказать о своей встрече с паромщиком.

Молчун. Теперь, с его участием, история могла принять новый, неожиданный оборот.

Однако Марго, чьи мать и бабушка упоминали о встрече с Молчуном и обе после тех упоминаний прожили недолго, нахмурилась и поспешила сменить тему:

– Представьте, каково будет этому бедняге, когда он очнется. Потерять ребенка – нет ничего горше.

Бражники бормотанием выразили согласие, и она продолжила:

– Но вот вопрос: как мог отец взять с собой девочку, отправляясь в ночное плавание по реке? Да еще и зимой! Даже в одиночку это было бы большой глупостью, но с ребенком...

Присутствующие здесь отцы семейств закивали, добавляя опрометчивость и неосмотрительность к предполагаемым чертам характера человека, лежавшего пластом в соседней комнате.

Джо кашлянул и заметил:

– Девочка выглядела прямо как большая кукла.

– Да, очень странно.

– Необычно.

– Диковинно, – прозвучало трио голосов.

– А я сперва даже не понял, что это настоящий ребенок, – удивленно добавил кто-то.

– Не ты один тогда обозначался.

Марго размышляла об этом все время, пока мужчины говорили о лодках и плотинах. Она думала о своих двенадцати дочерях и о своих внучках, одновременно досадуя на себя за такую невнимательность. Ребенок есть ребенок, живой или мертвый.

– Как же мы могли этого не заметить? – спросила она таким тоном, что всем им сразу стало стыдно.

Они задумчиво направили взоры в темные углы комнаты и предались воспоминаниям. Они мысленно восстанавливали картину появления искаленного незнакомца в дверях трактира. Они вновь переживали шок и пытались припомнить детали, которым не уделили внимания в ту минуту. Это походило на сон, на ночной кошмар. Пришелец показался им персонажем страшной сказки: чудищем или вампиром. А девочку они приняли за куклу или манекен.

И тут дверь открылась, как было и в тот раз.

Бражники сморгнули свои воспоминания и увидели следующее:

То была Рита.

Она стояла в дверях, как прежде стоял чужак.

И держала на руках мертвую девочку.

Снова? Неужто время пошло вспять? Или они перебрали с выпивкой? Тронулись умом? Слишком много всего произошло, чтобы их рассудок мог разом это переварить. И они молча ждали, когда мир вернется на круги своя.

Труп девочки открыл глаза.

Голова ее чуть повернулась.

Ее взгляд прошелся по комнате волной – настолько сильной, что каждый глаз уловил ее колебания, каждая душа качнулась, подобно лодке у причала на волне от проходящего судна.

Они потеряли счет времени, а когда молчание было наконец нарушено, это сделала Рита.

– Ничего не понимаю, – сказала она.

Это был ответ на те вопросы, которые не смогли задать онемевшие от изумления зрители, а заодно и на те, которые не могла толком сформулировать сама Рита.

Когда они наконец почувствовали, что их языки по-прежнему находятся во ртах и еще способны шевелиться, Марго сказала:

– Дайте-ка я заверну ее в свою шаль.

Рита предупреждающе подняла ладонь:

– Не стоит согревать ее слишком быстро. Она очнулась после долгого пребывания на холоде. Возможно, будет лучше, если ее тело приспособится к нормальной температуре постепенно.

Женщины уложили малышку на подоконник. В ее лице не было ни кровинки. Тело оставалось неподвижным; лишь глаза моргали и оглядывали зал трактира.

Речники, батраки и гравийщики, молодые и старые, с жесткими ладонями и покрасневшими пальцами, с невымытыми шеями и тяжелыми подбородками, – все подались вперед на стульях и с сочувствием уставились на бедное дитя.

– Ее глаза закрываются!

– Она снова умирает?

– Видишь, она делает вдох?

– Ага, вижу. А теперь выдыхает.

– И снова вдох.

– Она засыпает.

– Тише!

Они перешли на шепот.

– Мы мешаем ей спать?

– Ты можешь подвинуться? Я не вижу, дышит ли она.

– А так видишь?

– Да, вдыхает.

– И выдыхает.

– Вдох.

– Выдох.

Задние поднимались на цыпочки, чтобы через плечи передних заглянуть в круг света от свечи, которую держала Рита над спящей девочкой. Они следили за каждым ее вздохом и, сами того не замечая, начали дышать с ней одновременно, словно их общее дыхание могло превратиться в большие мехи, подающие воздух в детские легкие. И вся комната, казалось, расширяется и сжимается в такт этому дыханию.

– Хорошее дело – иметь ребенка, чтобы о нем заботиться, – мечтательно произнес худой батрак с багровыми ушами.

– Лучше не бывает, – согласились его приятели.

Джонатан не спускал глаз с девочки. Он бочком пробрался через толпу и стал рядом с ней. Неуверенно протянул руку и после кивка Риты дотронулся до мягкого локона.

– Как вы это сделали? – спросил он.

– Я ничего не делала.

– Тогда почему она ожила?

Рита недоуменно покачала головой.

– Может, это из-за меня? Я ее поцеловал. Чтобы разбудить, как принц в сказке.

И он приблизил губы к локону, демонстрируя, как это сделал.

– В реальной жизни так не бывает.

– Значит, это чудо?

Рита наморщила лоб, затрудняясь с ответом.

– Не ломайте над этим голову сейчас, – посоветовала Марго. – В мире полно вещей, которые кажутся загадочными в ночной тьме, но утро вечера мудренее. Малютке нужен сон, а не вся эта суета. Идем, Джонатан, для тебя есть работа.

Она вновь открыла заветный шкафчик, достала оттуда еще одну бутылку без этикетки, выставила на поднос дюжину рюмок и плеснула в каждую на дюйм крепчайшего напитка.

Джонатан с подносом обошел всех присутствующих и раздал им по рюмке.

– Дай-ка одну и своему отцу.

Джо обычно не пил спиртное зимой и в те периоды, когда его мучил кашель.

– Как насчет тебя, Рита?

– Я тоже выпью, спасибо.

Они дружно подняли рюмки и осушили их залпом.

Неужто они стали свидетелями чуда? Это было все равно что увидеть во сне горшок с золотом, а по пробуждении обнаружить его на своей подушке. Или как рассказать историю о сказочной принцессе, а по ее окончании заметить эту самую принцессу среди слушателей, тихо сидящую в уголке.

Почти час они провели в молчании, созерцая спящее дитя. Нашлось бы той ночью во всей стране место более интересное, чем «Лебедь» в Рэдкоте? И каждый из них впоследствии мог сказать: «Я присутствовал при этом».

В конечном счете Марго отправила их всех по домам:

– Ночь выдалась долгой, и всем нам сейчас будет полезно немного вздремнуть.

Остатки эля в кружках были допиты, и завсегдатаи потянулись к своим пальто и шляпам. Они поднимались со стульев, пошатываясь под воздействием алкоголя и грузом спутанных мыслей, и шаркающей походкой брели к выходу. Прозвучали прощальные пожелания, дверь отворилась, и один за другим, поминутно оглядываясь, бражники исчезли в ночи.

История начинает расходиться

Марго и Рита приподняли спящую девочку и через голову стянули с нее рубашку. Затем тряпочкой, смоченной в теплой воде, обтерли ее тело, удаляя речной запах, хотя он все же сохранился в волосах. Девочка издала легкий удовлетворенный вздох при контакте с теплой водой, однако не пробудилась.

– И что ты за диковинка такая? – приговаривала Марго. – Вот бы знать, что тебе снится.

Она принесла детскую ночную рубашку из тех, что держала в доме на случай визита внучек, и женщины совместными усилиями проделали маленькие руки в рукава. Девочка продолжала спать.

Тем временем Джонатан помыл и вытер посуду, а Джо убрал дневную выручку в тайник и подмел пол. При этом он в углу наткнулся на кота, ранее незаметно проникшего в помещение. Потревоженный тычком швабры, кот выбрался из тени и через всю комнату проследовал к очагу, где еще тлели угли.

– Даже не надейся тут устроиться, – сказала коту Марго, но ее муж вступился за животное:

– На улице убийственный холод. Позволь ему остаться только на одну ночь.

Рита уложила девочку на вторую кровать в постоянной комнате, по соседству с бесчувственным мужчиной.

– Я останусь тут до утра и пригляжу за обоими, – сказала она и отвергла предложение Марго принести для нее раскладушку. – Меня вполне устроит кресло. Я привыкла дремать сидя.

Вскоре в доме все успокоилось.

– Тут есть над чем задуматься, – пробормотала Марго, пристраивая голову на подушке.

– Что есть, то есть, – отозвался Джо.

И оба шепотом продолжили обмен мыслями. Откуда они взялись, эти чужаки? И какими судьбами очутились здесь, в трактире «Лебедь»? Что именно произошло с девочкой? Джонатан назвал это «чудом», и теперь его родители попробовали это слово на вкус. Оно много раз попадалось им в библейских текстах применительно к невероятным вещам, происходившим невероятно давно в краях столь отдаленных от Рэдкота, что само их существование тоже казалось невероятным. Ну а здесь, в трактире «Лебедь», с этим словом ассоциировалась разве что фантастически малая вероятность того, что старый мастер Безант однажды полностью расплатится по накопившимся счетам: воистину это было бы чудом из чудес. Но сегодня, в день зимнего солнцестояния, в рэдкотском трактире «Лебедь» это слово приобрело совсем другую значимость.

– Из-за мыслей об этом у меня сна ни в одном глазу, – посетовал Джо.

Но чудеса чудесами, а супруги очень устали. Половина ночи уже была позади, и они задули свечу. Тьма сомкнулась над ними, и почти сразу их беспокойство сменилось глубоким сном.

Меж тем в постоянной комнате на первом этаже, где лежали ее пациенты, мужчина и девочка, Рита бодрствовала, сидя в кресле. Мужчина дышал медленно и шумно. Каждый раз, входя в его легкие или покидая их, воздух должен был прокладывать путь через распухшие мембраны и забитые подсохшей кровью проходы, которые за последние часы дважды претерпели изменения – в результате перелома и выправления носа. Неудивительно, что теперь звук его дыхания напоминал визг пилы по твердому дереву. В моменты затишья между его вдохами и выдохами можно было услышать легкое дыхание ребенка. А позади обоих одним бесконечно долгим выдохом поднимался пар над речной водой.

Ей нужно было поспать, но более того она нуждалась в уединении, чтобы поразмыслить. обстоятельно и бесстрастно она восстанавливала в памяти свои действия в ходе двух осмотров тела девочки, отмечая все признаки, на которые ее учили обращать внимание при таких процедурах. Где она допустила ошибку? Один, два, три раза она разобрала все это в подробностях. И не выявила никаких ошибок.

В чем же тогда было дело?

Поскольку научный подход ничего не прояснил, Рита обратилась к своему практическому опыту. Случалось ли ей прежде сомневаться в том, жив пациент или мертв? Известно выражение: «человек у порога смерти», как будто существует реальная линия между жизнью и смертью, перед которой может какое-то время стоять человек. Но в подобных обстоятельствах у нее никогда не возникало трудностей с определением, по какую именно сторону порога находится пациент. Как бы далеко ни зашла болезнь, как бы плох ни был пациент, он оставался живым вплоть до самого момента смерти. Не было никакой задержки при переходе из одного состояния в другое. Не было никакой промежуточной фазы.

Ранее Марго отправила всех спать, исходя из правила, что утро вечера мудренее. Рита была с ней согласна и сама так поступала в разных сложных ситуациях – но только не сейчас. Терзавшие ее вопросы имели отношение к человеческому телу, а оно должно подчиняться законам природы. Все ее знания указывали на то, что случившееся *просто не могло случиться*. Умершие дети не возвращаются к жизни. Стало быть, одно из двух: либо этот ребенок не был жив сейчас (она напрягла слух и отчетливо различила слабое дыхание), либо он не был мертв тогда. В который уже раз она перебирала в памяти все признаки, выявленные при осмотрах. Восковая бледность. Отсутствие дыхания. Отсутствие пульса. Отсутствие зрачковых реакций. Мысленно вернувшись во флигель, она удостоверилась, что ничего не упустила. Признаки смерти были налицо. Она все сделала правильно. Но тогда как объяснить дальнейшее?

Рита закрыла глаза, чтобы лучше думалось. За ее плечами были десятки лет работы медсестрой, но ее знания этим не ограничивались. Долгие вечера она проводила за книгами, изучала руководства по хирургии, труды по анатомии и фармакологии. А ее практический опыт помог этому бурному потоку информации сочетаться с глубокой и тихой заводью осмысления. Теперь она могла использовать сугубо книжные знания наряду с теми, что приобрела в процессе работы. Речь не шла о мучительных поисках истины или попытках свести воедино теорию и практику. Она просто ждала – со смесью тревоги и радостного предвкушения ждала, когда вывод, постепенно формирующийся в глубинах ее сознания, сам собой всплывет на поверхность.

Законы жизни и смерти в том виде, как она их изучила, отнюдь не были всеобъемлющими. И в жизни, и в смерти было еще немало того, о чем не ведала медицинская наука.

И вот сейчас как будто отворилась дверь, маня ее к новому знанию.

Опять ей недоставало Бога. Раньше она делилась с Ним всем. С детства привыкла обращаться к Нему с каждым вопросом или сомнением, с каждой радостью и победой. Он был рядом с ней в процессе познания, Он ежедневно помогал ей в работе. Но сейчас Бога с ней не было. И эту проблему ей предстояло решать самой.

Что же ей делать?

Она прислушалась. Дыхание девочки. Дыхание мужчины. Дыхание реки.

Река... Следует начать с нее.

Рита зашнуровала ботинки, надела и застегнула пальто. Покопалась в своей сумке, достала оттуда одну вещь – узкую и длинную жестяную коробочку, – сунула ее в карман и тихонько вышла из дома. Зябкая тьма растекалась повсюду за кругом света ее фонаря, а этого света едва хватало, чтобы разглядеть края дорожки. Вскоре Рита сошла с нее на траву и, руководствуясь скорее интуицией, чем зрением, направилась к речному берегу. Сквозь пуговичные

петли и жиденький вязаный шарф просачивался холод. Она проходила через клубы теплого пара от собственного дыхания и чувствовала, как пар оседает влагой на лице.

Вот и лодка, лежит перевернутая на траве. Рита стянула перчатку и осторожно нащупала пальцами рваный край борта, а затем плоское днище и на него поставила свой фонарь.

Она извлекла из кармана коробочку и несколько секунд подержала ее в зубах, пока – невзирая на холод – подбирала подол юбки и комом запихивала его в тот же карман, чтобы не замочить одежду, приседая. Перед ней расстилалось темное пространство реки. Она потянулась вперед и вниз, и ледяная вода обожгла пальцы. Порядок. Открыв коробочку, она вынула оттуда тонкую стеклянную трубку с металлическим блеском на кончике. Поверхность воды в темноте была не видна, так что Рита на ощупь – вместе с рукой – погрузила трубочку в воду и подождала, считая секунды. Затем выпрямилась и со всей осторожностью, на какую были способны онемевшие пальцы, упрятала трубочку в защитный футляр. Обрато к трактиру она спешила как могла, не позаботившись даже расправить юбку.

В постоянной комнате она первым делом поднесла трубочку к лампе – достаточно близко, чтобы прочесть показания, – а потом достала из сумки блокнот с карандашом. И записала температуру воды.

Не бог весть что, конечно. Но хоть какое-то начало.

Она взяла девочку с кровати, перешла к креслу и села, поместив ее к себе на колени. Детская голова пристроилась у нее на груди. «Я сейчас все равно не засну, – подумала она, накрывая одеялом себя и малышку. – Только не после всего этого. Только не в этом кресле».

В процессе этих приготовлений к бессонной ночи, сопровождаемых режью в глазах и болью в пояснице, Рите вспомнилась святая, в честь которой она была названа. Святая Маргарита посвятила свое целомудрие Господу и была так решительно настроена против брака, что предпочла жестокие пытки замужеству. Она считалась покровительницей беременных женщин и деторождения. В своей монастырской юности, стирая грязные, окровавленные простыни и омывая тела женщин, умерших при родах, Рита испытывала облегчение при мысли, что ей самой суждено будущее невесты Христовой. Никогда ей не придется страдать, выталкивая из своего лона младенца. С Богом она распрощалась, но ее приверженность целомудрию осталась непоколебимой.

Она закрыла глаза и обхватила руками девочку, которая привалилась к ней всем своим сонным весом. Рита чувствовала, как расширяется и сокращается грудная клетка при дыхании, и постаралась дышать в унисон, так чтобы ее выдох совпадал со вдохом ребенка, а вдох – с выдохом, заполняя освобождаемое пространство. Ею овладело какое-то необъяснимо приятное чувство, и в полудреме она попыталась найти ему объяснение, однако не смогла.

Вместо этого из тьмы явилась неожиданная мысль:

«А что, если девочка никак не связана с этим мужчиной? Что, если она никому не нужна? Тогда она могла бы стать моей...»

Но эта мысль не успела как следует отложиться в ее сознании, которое уже заполнил низкий, нескончаемый шум реки. И, унесенная этим шумом с мели бдения, она незаметно для себя начала дрейфовать по речным волнам ночи все дальше... все дальше... в темное море сна.

Впрочем, спали той ночью не все. Бражникам и рассказчикам по выходе из «Лебедя» предстояло еще проделать путь до своих домашних постелей. Один из них свернул с дороги, идущей по берегу реки, и зашагал тропой через поля к расположенной в двух милях конюшне, где он имел обыкновение ночевать в компании лошадей. Он с сожалением думал, что его нынче никто не ждет и по прибытии на место он никого не сможет разбудить со словами: «Ты не поверишь, сегодня *такое* случилось!» Он представил себе, как рассказывает о случившемся лошадям, а те недоверчиво таращат свои большие глаза. И наверняка лошади скажут на своем языке: «Знаем-знаем мы твои байки... Хотя эта и впрямь недурна. Ее стоит запомнить». Но

ему хотелось пообщаться с кем-то помимо лошадей; история была слишком хороша, чтобы растрчивать ее на неблагодарных животных. Посему он решил сделать крюк и посетить Гартинс-Филдс – там жила его кузина.

Добравшись до ее дома, он постучал в дверь.

Никто не отозвался, но история не давала ему покоя, и он постучал снова, теперь уже кулаком.

В примыкающем здании распахнулось окно, и наружу явилась женская голова в ночном чепчике, явно настроенная на брань.

– Погодите! – сказал он. – Погодите ругаться, пока не узнаете, что я хочу вам рассказать!

– Это ты, Фред Хэвинс? – Женщина уставилась в том направлении, откуда слышала его голос. – Снова пьяные рассказы, дело ясное! Я уже наслушалась их столько, что хватит до конца моих дней!

– Я не пьян, – заявил он обиженно. – Глядите! Я могу ходить ровнехонько, как по струнке!

И он начал старательно вышагивать, ставя одну ногу перед другой.

– Тоже мне доказательство! – донесся из ночи ее язвительный смех. – Когда вокруг темень хоть глаз выколи, любой пьянчуга может похвалиться ровной походкой.

Спор был прерван его кузиной, открывшей наконец дверь.

– Фредерик? Что за нелегкая принесла тебя в такой час?

И тут Фред простыми словами, без изысков, рассказал о недавних событиях в «Лебеде».

Соседка, все еще торчавшая в окне, поневоле услышала начало этой истории, а чуть погодя она уже окликала кого-то в глубине дома:

– Иди сюда, Уилфред! Ты только послушай!

Вслед за тем дети кузины были подняты с постелей и в ночных рубашках появились на пороге, а потом число слушателей пополнили соседи со всех сторон.

– Как она выглядит, эта девочка?

Фред образно сравнил белизну ее кожи с глазурованным кувшином на кухонном окне своей бабушки, а ее прямые волосы – с хорошо отвисевшейся занавеской непонятного цвета, причем этот цвет нисколько не изменился, когда мокрые волосы высохли.

– А какого цвета у нее глаза?

– Голубые... Или серые с голубизной.

– Сколько ей лет?

Он пожал плечами. Как он мог это знать?

– Если бы она стала рядом со мной, то была бы макушкой... вот досюда. – Он показал ладонью.

– Стало быть, около четырех. Как думаете?

Женщины обсудили этот вопрос и согласились, что девочке должно быть около четырех лет.

– А как ее зовут?

И вновь он запнулся. Кто бы мог подумать, что для истории потребуются такие подробности, о которых он даже не вспомнил в самый разгар событий?

– Не знаю. Никто и не спрашивал.

– Никто не спросил ее имя?! – возмутились женщины.

– Она была какой-то квёлой. Марго и Рита сказали, что ей нужно поспать. А отца ее зовут Донт. Генри Донт. Мы нашли бумаги в его кармане. Он фотограф.

– Значит, тот мужчина – ее отец?

– Надо полагать... А как иначе, по-вашему? Это ж он ее притащил. Они появились вместе.

– Может, он просто ее фотографировал?

– Так фотографировал, что оба чуть не утонули среди ночи? Вам это не кажется странным?

Тут уже поднялся общий гвалт: соседи перекрикивались от окна к окну, обсуждая рассказ Фреда, находя в нем пробелы и пытаясь их домыслить... В результате Фред начал чувствовать себя отстраненным от своей же истории, которая куда-то ускользала и отклонялась в стороны, им не предусмотренные. Это как если бы он обзавелся живой зверюшкой, но не успел ее приручить, а теперь она сорвалась с поводка и могла быть присвоена кем ни попадя.

Он не сразу расслышал, что кто-то зовет его по имени настойчивым, тревожным шепотом:

– Фред! Фред!

Из окна в первом этаже соседнего коттеджа ему призывно махала женщина. Когда Фред приблизился, она со свечой в руке перегнулась через подоконник; прядь желтых волос выбилась из-под чепца.

– Как она выглядела?

Фред снова начал рассказывать о белой коже и волосах неопределенного цвета, но женщина покачала головой:

– Я о том, *на кого* она похожа? Есть какое-то сходство с тем мужчиной?

– Да как тут поймешь? В его теперешнем виде сходства не найдешь ни с кем на свете.

– А волосы у него такие же вялые, мышинного цвета?

– Нет, они черные и жесткие.

– А! – Женщина многозначительно кивнула и выдержала драматическую паузу, глядя на Фреда. – И она тебе никого не напомнила?

– Занятно, что вы об этом спросили... Вообще-то, было такое чувство, словно она кого-то мне напоминает, но я не могу понять кого.

– Может, это?... – Она знаком подозвала его ближе и на ухо прошептала имя.

Когда Фред шагнул назад, его глаза были широко раскрыты, а челюсть отвисла.

– Ох! – только и выговорил он.

Женщина смотрела на него многозначительно:

– *Ей* сейчас было бы года четыре, верно?

– Да, но...

– Покамест держи язык за зубами, – сказала она. – Я каждый день хожу туда на работу. Утром я сама им сообщу.

После этого Фреда подзывали другие соседи и задавали вопросы. Как могли мужчина, девочка и фотографическая камера уместиться в лодке настолько маленькой, что она проскочила в щель Чертовой плотины? Фред пояснил, что камеры там не было. Тогда с чего они взяли, что этот тип – фотограф, если при нем не было камеры? Догадались по находкам в его карманах. И что же они там нашли?

Фред уступал их натиску и снова рассказывал всю историю – во второй раз он добавил кое-какие детали, а в третий раз уже предугадывал вопросы до их появления, и точно так же в четвертый. Он выбросил из головы мысль, заложенную туда женщиной с желтыми волосами. Наконец, по истечении часа, продрогший до костей Фред отправился к себе на конюшню.

Там он еще раз, вполголоса, повторил свой рассказ для лошадей. Те открыли глаза, безучастно выслушали начало истории, но уже к ее середине вновь начали сонно клевать мордами, а поближе к финалу заснул и сам рассказчик...

На задворках дома его кузины стоял сарай, почти скрытый разросшимися кустами. На траве за сараем валялась груда тряпья со шляпой на верхушке. И вот эта груда зашевелилась, постепенно обретая вид мужчины – грязного и заросшего до безобразия, – который кое-как поднялся на ноги. Он постоял, прислушиваясь, дабы убедиться в уходе Фредерика Хэвинса, а затем двинулся и сам. В сторону реки.

Оуэн Олбрайт не ощущал холода, идя вдоль реки вниз по течению к своему уютному особняку, который он приобрел в Келмскотте по возвращении из весьма прибыльных заморских странствий. Обычно его вечерняя прогулка от «Лебеда» до дому была временем сожалений – он сожалел об утраченном здоровье (свидетельством чему были адские боли в суставах), сожалел о своих алкогольных излишествах, сожалел, что лучшая часть его жизни миновала и впереди были только физические муки и постепенное угасание вплоть до гробовой доски. Но сегодня, после того как он стал свидетелем чуда, ему начали видеться чудеса повсюду: темное ночное небо, которое до того тысячу раз игнорировали его старческие глаза, сейчас раскинулось над ним во всем своем бескрайнем, вечном и таинственном величии. Он остановился и посмотрел вверх, восхищаясь увиденным. А внизу речные волны плескались о берег с каким-то серебристо-стеклянным звуком, и этот звук отдавался эхом в тех уголках его души, о существовании которых он доселе даже не подозревал. Он опустил голову, чтобы взглянуть на воду. Впервые за все время, прожитое на берегу реки, он заметил – *по-настоящему* заметил, – что под безлунным небом она излучала свой собственный, переливчатый свет. Свет, который также был тьмой. Или тьму, также бывшую светом.

В те минуты сразу несколько мыслей пришло ему в голову – вроде ничего нового, все это он знал давно, но как-то успел подзабыть за ежедневной рутинной. Мысль об отце, по которому он тосковал, хотя тот умер шестьдесят лет назад, когда Оуэн был еще мальчишкой. Мысль о своем всегдашнем везении, которому он был стольким обязан в этой жизни. Мысль о доброй и любящей женщине, которая ждала его дома в постели. Вдобавок ко всему его колени сейчас болели менее обычного, а грудь дышала свободнее, что напомнило ему о том, каково это быть молодым.

Дома он сразу – еще не сняв верхнюю одежду – растормошил спавшую миссис Коннор.

– Даже не думай о том, о чем ты сейчас думаешь, – проворчала она спросонок. – И не запускай сюда холод.

– Послушай! – сказал он – Ты только послушай!

И залпом выложил всю историю о незнакомце и девочке, мертвой и живой одновременно.

– Сколько ты нынче выпил? – строго спросила миссис Коннор.

– Разве что самую малость.

И он повторил историю от начала до конца, потому что она явно не уловила самое главное.

Она села в постели, чтобы лучше его рассмотреть. Да, это был он – мужчина, на которого она работала последние тридцать лет и с которым спала последние двадцать девять, – и он стоял здесь, все еще одетый, извергая из себя потоки слов. Она не понимала, что к чему. А он, даже завершив свою речь, остался стоять столбом.

Она выбралась из постели, чтобы помочь ему с раздеванием. Оуэну не впервой было набираться до такой степени, что непослушные пальцы не могли совладать с застежками. Однако сейчас он не пошатывался и не хватался за нее для равновесия, а при расстегивании ширинки миссис Коннор обнаружила бодрое напряжение того типа, какого вряд ли дождешься от пьяного в стельку мужчины.

– Ну и ну! – произнесла она с шутливым упреком, а он обнял ее и поцеловал так, как они не целовались с первых лет сожителства.

Последовало несколько минут постельной возни, а когда с этим было покончено, Оуэн Олбрайт, вместо того чтобы отвернуться и заснуть, как бывало обычно, не разжал объятия и поцеловал ее волосы.

– Будьте моей женой, миссис Коннор.

Она рассмеялась:

– Да что это на вас нашло, мистер Олбрайт?

Он поцеловал ее в щеку, и она почувствовала улыбку в этом поцелуе.

Она уже дремала, когда Оуэн заговорил вновь:

– Я видел это своими собственными глазами. Я стоял рядом и держал свечу. Она была мертва. А потом она ожила!

Она принюхалась к его дыханию. Он не был пьян. Безумен – возможно.

Вскоре они уснули.

Джонатан не раздевался ко сну и ждал, когда в «Лебеде» все затихнет. Затем покинул свою комнату на втором этаже и спустился во двор по наружной лестнице. Он был без теплой одежды, но это его не заботило. Он согревался историей, которую хранил в своем сердце. Выбранное им направление было противоположно тому, куда ранее удалился Оуэн Олбрайт: он пошел вдоль реки против течения. Голова его была переполнена мыслями, и он шагал быстро, торопясь выложить их человеку, который безусловно захочет узнать все подробности случившегося этой ночью.

Достигнув дома пастора в Баскоте, он громко постучал в дверь. Не дождавшись ответа, постучал вновь и вновь, а потом замолотил уже без остановки, невзирая на столь поздний час.

Дверь отворилась.

– Где преподобный? – крикнул Джонатан. – Мне срочно нужно с ним поговорить!

– Но, Джонатан, – ответила открывшая дверь фигура в ночной рубашке и колпаке, протирая глаза, – я уже перед тобой.

И, стянув с головы колпак, священник обнажил растрепанную копну седеющих волос.

– Ох, теперь я вас узнал.

– Кто-то умирает, Джонатан? Неужели твой отец? Ты хочешь, чтобы я отправился к нему сию минуту?

– Нет!

И Джонатан, спеша объяснить, что причина его появления здесь была прямо противоположной смерти, запутался в словах, так что священник понял только одно: никто не умер.

– Нельзя поднимать людей с постели без веских причин, Джонатан, – прервал он его речь. – И это неподходящая ночь для прогулок – уж очень холодно. Тебе самому давно пора быть в постели. Иди домой и ложись спать.

– Но, преподобный, это все та же древняя история! Она повторяется снова! Как было с Иисусом!

Пастор заметил, что лицо мальчика побелело от холода. Его раскосые глаза слезились, оставляя ледяные дорожки на плоских щеках. При всем том он сиял от счастья видеть священника, тогда как его язык, с трудом помещавшийся во рту и нередко вызывавший речевые затруднения, свесился на нижнюю губу. Это зрелище напомнило пастору, что Джонатан, при всех его добрых качествах, не в состоянии позаботиться о себе. Поэтому он распахнул дверь и пригласил мальчика войти.

На кухне пастор подогрел молоко и подал его гостю вместе с куском хлеба. Джонатан ел и пил – никакие чудеса не могли нарушить его аппетит, – заново выкладывая свою историю. О девочке, умершей и возвратившейся к жизни.

Священник внимательно слушал. Он задал несколько вопросов:

– Когда ты принял решение отправиться ко мне, ты уже лежал в постели и успел перед тем немного вздремнуть?.. Нет?.. А может, это твой отец или мистер Олбрайт рассказывал историю об этом ребенке нынче вечером?

Убедившись, что информация о событии – невообразимом и невозможном, судя по описанию Джонатана, – основана на чем-то в действительности случившемся, а не на его сновидении или вымыслах трактирных сказителей, пастор кивнул:

– Это значит, что на самом деле девочка не была мертвой. Вы все ошиблись, подумав так вначале.

Джонатан яростно замотал головой:

– Я подхватил ее, когда она падала. Я держал ее на руках. Я дотронулся до ее глаза.

Эти слова он сопровождал жестами, изображающими подхват чего-то тяжелого, объятие и осторожное прикосновение пальцем.

– Человек может казаться мертвым после какого-нибудь несчастного случая. Это возможно. Он выглядит мертвым, но в действительности он... просто спит мертвым сном.

– Как Белоснежка? Я ведь ее поцеловал. Может, это ее пробудило?

– Джонатан, это всего лишь сказка.

Джонатан поразмыслил:

– Тогда, как Иисус.

Священник сердито скривился, но не успел подобрать слов для ответа.

– Она была мертвой, – продолжил Джонатан. – Так посчитала Рита.

А вот это стало для пастора неожиданностью. Рита заслуживала доверия более всех известных ему людей.

Джонатан собрал со стола хлебные крошки и отправил их в рот.

Священник поднялся. Все оказалось намного сложнее, чем он мог предположить.

– Уже поздно, и на улице холод. Проведешь остаток ночи здесь, хорошо? Вот тебе одеяло, устраивайся в том кресле. Ты совершенно измотан.

Однако Джонатан не унимался:

– Я ведь прав, преподобный? Это похоже на воскрешение Иисуса?

А пастор уже думал о своей постели, возможно еще сохранившей остатки тепла на примятом пасторским телом матрасе. Он рассеянно кивнул:

– В том виде, как ты это изложил, – пожалуй. Определенное сходство есть. Но не стоит ломать над этим голову сейчас.

Джонатан ухмыльнулся:

– И это я первым сообщил вам новость.

– Я этого не забуду. Ты был первым, от кого я это услышал.

Джонатан с довольным видом откинулся на спинку стула, и его глаза начали слипаться.

Священник устало поднялся по лестнице на второй этаж, в свою спальню. В летние месяцы он бывал совсем другим человеком, бодрым и оживленным, да и выглядел лет на десять моложе своего настоящего возраста; но под темным осенним небом силы его покидали, и уже к декабрю он начинал испытывать хроническую усталость. Ложась в постель, он сразу проваливался в тусклые глубины сна, а по пробуждении не чувствовал себя отдохнувшим.

Он не имел объяснения событиям этой ночи в «Лебеде», но уже понял, что там произошло нечто очень странное. И он решил отправиться туда следующим утром. С этой мыслью он забрался в постель, подумав, что в июне в это время уже светало бы. А ныне впереди были еще долгие часы зимней тьмы.

– Господи, ниспошли здоровье той девочке, если только она существует, – помолился священник. – А мне поскорее ниспошли весну.

Засим он погрузился в сон.

Кутаясь в драное пальтецо, словно оно и впрямь могло защитить его от непогоды, бродяга шел по тропе к реке. В услышанной ненароком истории он почуял запах денег – и уже знал, кто будет готов раскошелиться. Тропа была узкой и малохоженной: из земли выступали камни, о которые вполне мог запнуться даже абсолютно трезвый человек, а на ровных участках попадалась скользкая глина. Поминутно спотыкаясь и поскальзываясь, он размахивал руками в поисках равновесия и каким-то чудом всякий раз его находил. Уж не духи ли тьмы поддер-

живали его под замерзшие руки? Эта мысль показалась бродяге настолько потешной, что он сдавленно хохотнул. Проковылял еще немного, утомился и начал испытывать жажду. Во рту было гадко, – казалось, вместо языка там болтается трупик мыши, издохшей дня три назад. Он сделал остановку, достал из кармана бутылку и, промочив горло, поковылял дальше.

Достигнув реки, он продолжил путь по берегу против течения. Ориентиры терялись во тьме, но едва он подумал, что пора бы уже поравняться с Сивушным островом, как перед ним возник знакомый спуск к воде.

Название этот остров получил недавно. Раньше его называли просто Островом, и этого вполне хватало, благо никто его не посещал, да и смотреть там было не на что. Но когда в Рэдкоте появились новые люди – сначала мистер Воган, а затем и его молодая жена, – одной из перемен, внесенных ими в жизнь округа, стало строительство на этом клочке земли завода, производящего спиртные напитки и серную кислоту. Отсюда и пошло название. Многие акры земли, принадлежавшей мистеру Вогану, были засажены сахарной свеклой, а специально построенная узкоколейка облегчила перевозку свеклы на остров и вывоз оттуда готового бренди. И для всего этого нужно было много рабочих рук. Но что было, то сплыло. По какой-то причине производство остановилось. То ли бренди оказался дрянноват, то ли прибыль маловата, то ли мистер Воган охладел к этому бизнесу... Однако название за островом сохранилось. Заводские корпуса еще стояли на прежнем месте, но все оборудование бездействовало. Узкоколейка подходила к самому краю берега, но мост на остров был разобран, так что ящики призрачного бренди, покидая по рельсам завод-призрак, не могли бы рассчитывать на иной пункт назначения, кроме речного дна...

Бродяга замешкался, не зная, как быть дальше. Изначально он думал просто подойти к воде и криком обратить на себя внимание, но теперь осознал никчемность этой затеи. И тут – представьте, какая удача! – он заметил причаленную к берегу маленькую гребную лодку, с какой могла управиться и женщина. Кто бы ни оставил ее здесь, лодка оказалась как нельзя кстати. Бродяга порадовался своей удаче – этой ночью небеса ему явно благоволили.

Он залез в лодку, и та опасно закачалась под его весом, но он был слишком пьян, чтобы паниковать, и слишком долго прожил на реке, чтобы так просто взять и перевернуться. Он сел на скамью, и старые навыки сами собой задали работу веслам, пока нос лодки не уткнулся в берег острова. Пусть и не в причал, но это были уже мелочи. Он шагнул через борт, намотав ноги до колен, поднялся по склону и зашагал далее к своей цели. В центре острова маячило трехэтажное главное здание завода. Восточнее находился сернокислотный цех, а за ним – складские строения. Бродяга двигался как можно тише, но все же недостаточно тихо – когда он зацепился ногой за что-то и чуть не упал, из ниоткуда возникла рука и, схватив его сзади за шею, удержала от падения. При этом пальцы сдавили шею очень болезненно.

– Это же я, – просипел бродяга. – Я один!

Хватка ослабла. Более не было сказано ни слова, и бродяга последовал за безмолвным человеком, в темноте ориентируясь по звуку его шагов. Так они добрались до здания склада.

Просторное помещение не имело окон, и воздух внутри был насыщен множеством ароматов. Дрожжи, разные фрукты, приторная сладость с горчинкой – эта смесь была такой густой, что ее приходилось не столько вдыхать, сколько заглатывать порцию за порцией. В свете жаровни виднелись бутылки, медные чаны и бочки, нагроможденные как попало. Жалкое подобие современного цеха, когда-то работавшего на острове, хотя именно оттуда были похищены все детали этого перегонного аппарата, да и цель была той же: производство спиртных напитков.

Человек держался здесь по-хозяйски. Он, в отличие от пришельца, не глазел по сторонам, а сразу опустился на стул, и силуэт его шуплой фигуры четко обозначился на фоне оранжевого огня жаровни. Не поворачивая головы к бродяге, он занялся повторным раскуриванием

погасшей трубки под полями низко надвинутой на лоб шляпы. Только сделав первую затяжку и разбавив ароматы помещения вонью дешевого табака, он подал голос:

– Кто видел, как ты сюда добирался?

– Никто.

Молчание.

– На берегу ни души. Слишком холодно, – пояснил бродяга.

Хозяин кивнул:

– Выкладывай.

– Девчонка, – сказал бродяга. – В рэдкотском «Лебеде».

– И что с ней такого?

– Кто-то вытащил ее из реки этой ночью. Говорят, вытащил уже мертвой.

Снова пауза.

– Ну и что?

– Она жива.

Только сейчас лицо хозяина повернулось в его сторону, однако черты не стали лучше различимыми.

– Так мертва или жива? Одно исключает другое.

– Она была мертва. А теперь она жива.

Хозяин медленно покачал головой и произнес безразличным тоном:

– Ты это увидел во сне. Или вообразил с перепоею.

– Это не мои слова. Я только передаю то, что рассказывают другие. Ее достали мертвой из реки, а теперь она живехонька. Сейчас она в «Лебеде».

Хозяин уставился в пламя жаровни. Бродяга подождал ответа, но через минуту понял, что его не будет.

– Мне бы хоть самую малость... За мои старания. В такую холодную ночь.

Хозяин хмыкнул. Затем поднялся, отбросив на стену длинную тень, протянул руку куда-то во тьму, выудил оттуда небольшую, заткнутую пробкой флягу и протянул ее прищельцу. Тот спрятал флягу в карман, на прощание дотронулся до края своей шляпы и был таков.

В зимнем зале «Лебеда» прилудный кот спал, свернувшись калачиком у стенки очага, которая еще не совсем остыла. Его веки нервно подергивались: кот видел свои кошачьи сны, которые, наверно, могли бы удивить и озадачить нас куда сильнее, чем любые сновидения, порождаемые человеческим разумом. Но вот его ухо насторожилось, и сна как не бывало. Послышался звук – очень слабый, всего-то шорох травы под ногами, – и в следующий миг кот был уже на всех четырех лапах. Он быстро пересек комнату и бесшумно запрыгнул на подоконник. Звериное зрение без труда проникло сквозь ночной мрак.

Невысокая худая фигура в низко надвинутой шляпе, крадучись, вышла из-за угла трактира, миновала окно и остановилась перед дверью. Раздался легкий скрип, когда человек надавил на дверную ручку. Замок был заперт. Другие дома в округе могли оставаться незапертыми на ночь, но только не трактир с его многочисленными соблазнами, разлитыми по бутылкам и бочкам. Тогда ночной визитер вернулся к окну. Не подозревая, что за ним следят, ощупал оконную раму. И здесь незадача. Марго так просто не проведешь. Ее практичный ум никогда не упускал из виду такие детали, как проверка запоров на всех дверях каждый вечер после закрытия, обновление оконной замазки в конце летнего сезона, покраска рам, дабы предохранить их от гниения, и замена треснувших стекол. Облачко пара появилось из-под поля шляпы вместе с досадливым выдохом. Человек застыл в задумчивости. Но ненадолго. В такую погоду долго на месте не постоишь. Он развернулся и пошел прочь, быстро и уверенно. Даже в темноте он точно знал, куда поставить ногу, избегая колдобин и булыжников. Так он добрался до моста, пересек его, а на другой стороне реки сразу свернул с дороги в лес.

Еще долгое время после того, как незваный гость удалился, кот отслеживал звуки его перемещения. Вот ветка скребнула по рукаву шерстяной куртки, вот каблуки звонко прошлись по окаменевшей от холода земле, вот запищали потревоженные лесные обитатели... и вот наконец все стихло.

Кот мягко спрыгнул на пол, вернулся к очагу, вновь прижался к его теплой стенке и сладко задремал.

Итак, после невероятных событий, первой изумленной реакции и первых попыток осмыслить случившееся люди разошлись из «Лебедя» в разные стороны, и очень скоро эта история была впервые рассказана. Позднее, когда ночь была еще в силе, а участники тех событий наконец-то заснули, история на свой лад отложилась в сознании всех – свидетелей, рассказчиков и слушателей. Из них в этот поздний час не спала только девочка, вокруг которой, собственно, все и закрутилось. Она легкими вдохами-выдохами провожала уходящие секунды, смотрела в темноту и прислушивалась к близкому шуму реки.

Притоки

Проследить за рекой на карте кажется делом несложным. Наша река берет свое начало на лугу Трусбери-Мид и через двести тридцать шесть миль впадает в море близ Шуберинесса. Но, предприняв путешествие вдоль ее русла на лодке либо пешком – миля за милей, – вы очень скоро заметите, что целеустремленность не относится к числу ее главных достоинств. Невольно возникает впечатление, что эта река не очень-то и стремится достигнуть своего устья. Вместо этого она выписывает петли, отнимая массу времени у добросовестного повторяющего их путника. Она как будто дразнится, меняя курс: неоднократно поворачивает на север, на юг или на запад, словно забывая об основном, восточном направлении – или же оставляя его напоследок. В Эштон-Кейнсе ее русло разбивается на такое количество протоков, что едва ли не каждый дом в этой деревне был вынужден обзавестись собственным мостиком перед крыльцом, а ниже по течению, у Оксфорда, она описывает большую неторопливую дугу вокруг города. В запасе у нее есть и другие трюки: местами она замедляется, раздается вширь и течет едва заметно, чтобы затем вдруг сузиться и резко ускорить бег. В Баскоте она разветвляется на два полноводных рукава, которые отхватывают у местности длинный островной кусок, после чего вновь сходятся в общем русле.

Если все эти детали сложно уяснить с помощью одной лишь карты, то с другими дело обстоит еще сложнее. Во-первых, помимо неизменного движения вперед к устью, река растекается в обе стороны по рукотворным каналам, орошая поля и луга. Ее вода проникает в колодцы и потом используется для стирки белья или заварки чая. Она впитывается корнями растений, клетка за клеткой поднимается по ним к поверхности, насыщает листья кресс-салата и вместе с ними попадает в суповые миски и на шинковочные доски окрестных трактиров. Из чайных чашек и тарелок она перемещается во рты и подпитывает сложные биологические организмы (каковые сами по себе являются отдельными мирами), прежде чем вернуться в почву при посредстве ночного горшка. Где-то в другом месте капли речной воды остаются на листьях прибрежной плакучей ивы, с восходом солнца обращаются в невидимый пар и вполне могут слиться с облаками (по сути огромными, плывущими в небе озерами), чтобы впоследствии выпасть на землю дождем. Все это части общего пути Темзы, оставшиеся за рамками картографии.

Впрочем, и официальным картам можно верить лишь отчасти. В действительности река начинается со своего истока не более, чем история начинается с первой страницы книги. Взять, к примеру, Трусбери-Мид. Помните фотоснимок, с ходу раскритикованный завсегдатаями трактира за недостаточную живописность? Обычный ясень на краю обычного поля, сказали они, – и на первый взгляд все так и есть. Но присмотритесь внимательнее. Видите небольшое углубление в земле у подножия дерева? Видите канавку – мелкую, узкую и ничем не примечательную, отходящую от этого углубления и исчезающую за краем снимка? Видите на дне канавки какой-то блеск, серебристые пятнышки на сером фоне илистого грунта? Эти проблески – лужицы воды, впервые за очень долгое время оказавшейся под лучами солнца. Вода эта поднялась из глубин земли, где во всевозможных пустотах под нашими ногами – скальных трещинах, проходах, пещерах – тянутся водные пути ничуть не менее многочисленные и разветвленные, чем на поверхности. Так что исток Темзы не является ее началом – точнее, это ее начало только в нашем традиционном понимании.

В любом случае отнюдь не все признают Трусбери-Мид истоком Темзы. Известно мнение, что место истока было определено неверно, а настоящее «начало в нашем понимании» находится в другом месте, именуемом Семью Ключами, откуда вытекает Черн – река, впадающая в Темзу близ Криклеяда. Кто же здесь прав? Не нам судить. Темза, которая то и дело сворачивает на север, на юг или на запад в ущерб восточному направлению, которая тут и там

растекается каналами в стороны от главного русла, которая может прихотливо изменять скорость течения, которая на пути к морю отдает часть своих вод небесам, – такая Темза куда интереснее для нас своим движением, нежели своими началами. А если даже у нее и есть конкретное начало, оно скрыто в темном, недоступном нам месте. Посему лучше уж смотреть, куда она течет, чем выяснять, откуда она вытекает.

Да, притоки! В сущности, ради них и был затеян этот разговор. Черн, Ки, Рей, Колн, Лич и Коул – эти речушки в верховьях Темзы текут из разных мест, чтобы подкрепить ее объемом и энергией своих вод. И в нашей истории тоже будут свои притоки. В тихие часы перед рассветом мы можем на время отвлечься от большой реки и от этой долгой ночи, чтобы проследить за малыми притоками. Нет, не вплоть до их начал – загадочных и неведомых, – а всего-навсего до их вчерашнего дня.

Что ты об этом думаешь?

В день накануне появления странной девочки, в половине четвертого пополудни, из задней двери фермерского дома в Келмскотте вышла женщина и торопливо пересекла двор, направляясь к амбару. Ее светлые кудри были тщательно убраны под чепчик, а простое синее платье вполне соответствовало образу работающей фермерской жены, но покрой с претензией на изящество позволял предположить, что душой и сердцем эта женщина все еще молода. При ходьбе она широко расставляла ноги, через шаг наклоняя туловище влево и потом вновь распрямляясь, но это не замедляло ее продвижения. Помехой не была и повязка на ее правом глазу, сделанная из той же синей материи, что и платье, с белой ленточкой вместо обычной тесьмы.

Она достигла дверей амбара. Здесь пахло кровью и железом. Спина к ней стоял мужчина – необычайно рослый, мощного телосложения, с широкой спиной и жесткими черными волосами. В ту минуту, когда вошедшая положила руку на дверной косяк, мужчина бросил наземь окровавленный кусок ткани и приступил к заточке лезвия. Воздух наполнился пронзительным металлическим визгом. В глубине амбара были рядком аккуратно сложены свиные туши; вытекающая из них кровь искала углубления в земляном полу.

– Милый...

Он обернулся. Коричневый цвет его кожи явно не был следствием работы на свежем воздухе под английским солнцем, сразу наводя на мысль о другом, весьма далеком континенте. Толстые губы и широкий нос подтверждали это впечатление. При виде супруги его карие глаза осветились радостью, а рот растянулся в улыбке.

– Следи за своим подолом, Бесс, – предупредил он, заметив, что ручеек крови продвигается в ее сторону. – И за туфлями – ты же в хороших туфлях. Я здесь почти закончил. Скоро вернусь в дом.

Тут он посмотрел ей в лицо, и визгливый дуэт ножа с точилом прекратился.

– В чем дело?

При всем внешнем различии их лиц, на обоих отразилось одно и то же чувство.

– Кто-то из детей? – спросил он.

Женщина кивнула:

– Робин.

Их старший. Лицо мужчины вытянулось.

– Что на сей раз?

– Вот письмо...

Он перевел взгляд на ее руку, но там оказался не сложенный лист, а пригоршня мелких клочков бумаги.

– Это нашла Сюзи. Робин оставил ей свою порванную куртку, когда заходил к нам в последний раз. Ты же знаешь, как ловко Сюзи управляет иглой, хотя ей всего двенадцать. Куртка очень хорошая – боюсь даже думать, во сколько она ему обошлась. Рукав был сильно разорван, по словам Сюзи, хотя теперь нет и следов прорехи. Ради нитки нужного цвета ей пришлось распустить шов в кармане. Тогда-то она и нашла это письмо, порванное на кусочки. Я застала Сюзи в гостинной, когда она пыталась сложить их вместе навряд ли картинке-голова-ломки.

– Дай мне взглянуть, – сказал он и помог ей подобрать подол платья над лужицей крови, когда они вдвоем перемещались к длинной стойке у внутренней стены.

На эту стойку она выложила обрывки письма.

– «...плата...» – прочла она вслух, ткнув пальцем в один из клочков. У нее были руки труженицы, без перстней и колечек на пальцах (не считая обручального), с короткими, но чистыми и ровно подстриженными ногтями.

– «Любовь...» – прочел он на другом, но до бумаги не дотронулся, поскольку под его ногтями и на пальцах осталась засохшая кровь.

– «...в конечном счете...» Что может быть в конечном счете, как думаешь, Роберт?

– Понятия не имею... Но почему письмо разорвано, да еще так мелко?

– Может, он сам его порвал? Получил письмо, и оно ему не понравилось.

– Попробуй соединить два этих клочка, – предложил он, однако разорванные края не подошли друг к другу. – А почерк-то женский.

– И к тому же красивый. Я не умею так выводить буквы.

– У тебя тоже неплохо получается, милая.

– Нет, ты взгляни, как ровно написаны слова. И ни единой пометки. Ее почерк почти так же хорош, как твой, и это при всех твоих годах обучения. Что ты об этом думаешь, Роберт?

С минуту он молча смотрел на обрывки.

– Полностью мы текст не восстановим, это понятно. Здесь только часть письма. Попробуем сделать так...

Они стали сортировать клочки – ее ловкая рука следовала его указаниям – и в результате разложили их на три группы. Первая состояла из слишком мелких обрывков, не представлявших интереса: части слов, артикли, пустота полей. Эту кучку они отодвинули в сторону.

Вторая группа включала целые слова, которые они прочли вслух.

«Любовь»

«без всякого»

«дитя скоро полностью»

«кроме тебя, помочь некому»

«плата»

«больше ждать»

«отец моего»

«в конечном счете»

Последняя группа состояла из обрывков, на которых повторялось одно и то же слово:

«Алиса»

«Алиса»

«Алиса»

Роберт Армстронг повернулся к своей жене, а та одновременно повернулась к нему. Она глядела встревоженно; его взгляд был мрачен.

– Скажи, любовь моя, – произнес он, – что ты об этом думаешь?

– Эта «Алиса» – я сперва решила, что так зовут женщину, написавшую письмо. Но в письмах люди не упоминают свое имя так часто. Они просто пишут: «я». Значит, эта Алиса – другая женщина.

– Верно.

– «Дитя», – повторила она с удивлением. – «Отец...»

– Да.

– Не понимаю... Неужели у Робина есть ребенок? Неужели у нас есть внук? Но тогда почему он ничего не сказал нам? Кто эта женщина? Что заставило ее написать это письмо? Такое письмо, что его разорвали в мелкие клочки. Боюсь, что...

– Не бойся, Бесс. Что толку в боязни? Допустим, есть ребенок. Допустим, есть женщина. Молодым людям случается допускать ошибки и похуже. Если он влюбился и если от этой связи

есть ребенок, мы будем только рады пополнению семейства. Наши сердца достаточно щедры для этого, не так ли?

– Но почему письмо пытались уничтожить?

– Допустим, случилась беда... Любовь способна справиться со многими бедами, а судя по письму, в любви здесь недостатка нет. Но там, где любовь помочь не может, обычно помогают деньги.

Он долго, не отрываясь, смотрел в ее левый глаз, здоровый голубой глаз. Смотрел и ждал, пока тревожное выражение не сменилось спокойной уверенностью.

– Ты прав. Но что же нам делать? Ты с ним поговоришь?

– Нет. Не сейчас, во всяком случае. – Он вновь повернулся к остаткам письма и указал на один клочок в забракованной группе. – Что ты об этом думаешь?

Она покачала головой. Разрыв прошелся горизонтально вдоль слова, отделив его верхнюю половину от нижней.

– Мне кажется, здесь написано «Бамптон».

– Бамптон? Но это же всего в четырех милях отсюда!

Армстронг сверился с карманными часами:

– Сейчас уже поздно туда отправляться. Я должен навести здесь порядок и убрать эти туши. Если не потороплюсь, потом в темноте будет сложно, а мне еще надо покормить свиней. Завтра я встану пораньше и сразу отправлюсь в Бамптон.

– Хорошо, Роберт.

Она развернулась в сторону выхода.

– Осторожно с подолом!

Вернувшись в дом, Бесс Армстронг первым делом направилась к своему бюро. Ключ с трудом повернулся в замке. Так было всегда с тех пор, как замок починили. Она вспомнила тот день; Робину было тогда восемь лет. Она пришла домой и обнаружила дверь бюро взломанной. Бумаги были раскиданы по комнате, деньги и документы исчезли, а Робин взял ее за руку и сказал: «Я спугнул вора, он был похож на бродягу. Смотри, мама, вот открытое окно, через которое он убежал у меня на глазах». Ее муж немедленно отправился на поиски преступника, но она за ним не последовала. Вместо этого она переместила свою повязку на здоровый глаз, открыв другой, который смотрел вкось, но при этом ВИДЕЛ то, что обычным глазам узреть не дано. Она взяла сына за плечи и направила на него свой ВИДЯЩИЙ глаз. А когда Армстронг вернулся, не найдя никаких следов вора-бродяги, она сказала: «Я знала, что ты их не найдешь, потому что такого человека здесь не было. Вором был Робин».

«Нет!» – вскричал Армстронг.

«Это был Робин. Вспомни: он был слишком доволен придуманной им историей. Это сделал Робин».

«Я не верю».

Они так и не пришли к согласию по этому вопросу, больше к нему не возвращались, и с тех пор он казался погребенным под грузом лет. Но каждый раз, поворачивая ключ в замке этого бюро, она вспоминала все.

Она сложила лист бумаги в виде конверта и поместила туда сначала набор нечитаемых обрывков, а следом обрывки со словами. Помедлила, сжав пальцами последние три клочка, но потом поочередно бросила в конверт и их, бормоча имя, как заклинание:

– Алиса...

– Алиса...

– Алиса...

Она открыла ящик бюро, чтобы убрать в него самодельный конверт, и вдруг что-то ее остановило. Не письмо. Не давняя история со взломом бюро. Что-то еще. Возникло такое чувство, будто прозрачный, чуть подернутый рябью поток пересекает комнату прямо перед ней.

Она попыталась поймать это ускользающее чувство и дать ему определение. Чуть не опоздала, но все же в последний миг ухватила, ибо услышала собственный голос, громко прозвучавший в пустом помещении:

– Скоро кое-что случится.

Тем временем в амбаре Роберт Армстронг закончил точить нож и позвал на помощь своих сыновей, второго и третьего по старшинству, чтобы подвесить кровоточащие туши на крючьях над сточными желобами. Они сполоснули руки в кадке с дождевой водой и затем выплеснули эту воду на пол амбара – туда, где после забоя остались самые большие лужи крови. Поручив дальнейшую уборку сыновьям, он отправился в свинарник. Обычно они выполняли такие работы вместе, но, когда ему хотелось о чем-нибудь поразмыслить, он кормил свиней в одиночестве.

Без видимых усилий поднимая мешки, он насыпал зерно в кормушки. Почесал одну свиноматку за ухом, а другой поскреб бок, согласно предпочтениям каждой. Свиньи – замечательные существа, наделенные разумом, хотя большинство людей этого не замечают. Армстронг был убежден, что у каждой свиньи есть свой особый характер, свои таланты, и потому при выборе молодой свиноматки учитывал не только ее физические параметры, но и сообразительность, благоразумие, добрый нрав: качества, необходимые хорошей матери. Он имел привычку беседовать со свиньями во время кормежки – и сегодня, как водится, поговорил с каждой из них. «С чего это ты нынче не в настроении, Дора?», «Возраст дает себя знать, Полл?». Он давал имена всем племенным свиньям, в отличие от свиней, выращиваемых на убой, – этих он без разбора звал просто «хрюшками». Он завел такое правило: имя каждой новой свиноматки должно начинаться с той же буквы алфавита, что и имя ее матери, – так было проще отслеживать их родословные при дальнейшем скрещивании.

Подошла очередь Марты в самом дальнем конце свинарника. Она должна была опороситься через четыре дня. Он наполнил ее кормушку зерном и налил воды в корытце. Марта поднялась с соломенной подстилки и, тяжело переваливаясь, приблизилась к перегородке, но не спешила набрасываться на еду и питье, а просунула рыло между горизонтальными брусками. Армстронг почесал ее голову между ушами, и она ответила довольным хрюканьем.

– Алиса... – задумчиво произнес он. Все это время письмо не выходило у него из головы. – Что ты об этом думаешь, Марта?

Свинья обратила на него глубокомысленный взор.

– Я и сам не знаю, что думать, – признался он. – Первый внук – неужели? И Робин – что творится с Робинем?

Он тяжело вздохнул.

Марта уделила несколько секунд изучению его ботинок на грязном полу и вновь подняла взгляд – на сей раз проницательный – на Армстронга.

Он кивнул:

– Ты права. Мод могла бы в этом разобраться. Но Мод здесь нет, верно?

Мод была матерью Марты и лучшей из всех свиноматок, им когда-либо виденных. Она произвела на свет великое множество поросят и ни одного из них не потеряла по случайности или по небрежению. Более того, она всегда выслушивала Армстронга с таким вниманием и участием, какие он не встречал ни у одной другой свиньи. Терпеливая и спокойная, она позволяла ему сколь угодно рассуждать на любые темы; когда он делился с ней радостями, рассказывая о своих детях, глаза ее поблескивали от удовольствия, а когда заводил речь о печальных вещах (Робин – почти всегда это касалось Робина), ее взгляд был полон мудрого сочувствия;

и всякий раз он возвращался из свиарника в лучшем расположении духа, чем был до того. В присутствии столь добродушной и дружелюбной слушательницы он мог высказывать вслух любые мысли и порой только таким образом эти мысли в своей голове обнаруживал. Удивительно, каким затуманенным может быть сознание человека, пока у него не появится слушатель, которому он полностью доверяет, а Мод как раз была из таких. Без ее помощи он никогда не узнал бы многих вещей о себе самом и о своем сыне. На этом самом месте несколько лет назад он поведал Мод о разногласиях между ним и женой касательно Робина и той кражи. Рассказывая Мод эту историю, он как будто увидел ее под новым углом со всеми деталями, которые тогда же мельком зафиксировал, но оставил без внимания. «Я заметил мужчину, – рассказывал Робин. – Я заметил его ботинок, когда он удирал через окно». Армстронг привык видеть в людях самое лучшее и без колебаний поверил мальчику. Но позднее, побуждаемый взглядом Мод, он вспомнил странную, выжидательную паузу, наступившую после слов Робина, и в глубине души понял ее значение: Робин выжидал, проверяя, сработает ли его обман. Как ни больно было Армстронгу это принять, но в данном случае Бесс оказалась права.

Когда они поженились, Робин уже находился в материнской утробе, помещенный туда другим мужчиной. Роберт постарался выбросить из головы этот факт – что было не так уж трудно сделать, поскольку он всем сердцем полюбил мальчика. Он был решительно настроен создать с Бесс единую и дружную семью, никому не оказывая предпочтения и не допуская, чтобы кто-то из ее членов остался чем-нибудь обделенным. Любви хватало на всех. Любовь должна была скреплять их семью. Но когда Армстронг понял, что вором, взломавшим бюро и укравшим его содержимое, был Робин, он разрыдался. Мод смотрела на него вопросительно. Как быть дальше? И он нашел ответ. Надо любить мальчика еще сильнее, и тогда все наладится. Начиная с того дня он заступался за Робина даже с большим пылом, чем прежде.

А Мод смотрела на него и как будто спрашивала: «В самом деле?»

При мысли о Мод к его глазам вдруг подступили слезы. Одна слезинка упала на толстую шею Марты, ненадолго задержалась на рыжей щетине, а потом скатилась в грязь.

Армстронг рукавом вытер влагу со щек.

– Это же глупо, – упрекнул он себя.

Марта смотрела на него из-под рыжих ресниц.

– Но ведь и ты по ней скучаешь, верно?

Ему показалось, что взгляд ее слегка затуманился.

– Сколько уже прошло? – Он сделал подсчет в уме. – Два года и три месяца. Это большой срок. Кто же ее украл? Ты ведь была там, Марта. Почему ты не завизжала, когда чужаки похищали твою маму?

Марта ответила ему долгим пристальным взглядом. Он попытался понять, расшифровать этот взгляд, но в кои-то веки ему это не удалось.

При прощальном почесывании Марта вдруг оторвала голову от перегородки и повернулась к реке.

– В чем дело?

Он тоже посмотрел в ту сторону. Но ничего особенного не увидел и не услышал. Однако что-то там все же было... Человек и свиноматка обменялись взглядами. Такого выражения в ее глазах Армстронг еще никогда не видел, но достаточно было сопоставить это с его собственными ощущениями, чтобы уловить смысл.

– Думаю, ты права, Марта. Скоро кое-что случится.

Миссис Воган и речные гоблины

В уголке глаза бусинкой блестела слеза. Это был глаз молодой женщины, лежавшей на дне лодки. Жидкость скопилась в его розовом уголке, куда выходят каналы хитро устроенной системы слезовыделения. Капля подрагивала вместе с раскачиванием лодки, но сохраняла форму и не скатывалась из глаза, удерживаемая ресничками по его периметру.

– Миссис Воган?

Перед тем молодая женщина продвигалась поперек реки, но сложила весла и позволила течению отнести маленькую лодку к зарослям камыша, в которых она и застряла. К тому моменту, как обращение с берега донеслось до женщины, густой белый туман над рекой выхлостил из него все высокие, тревожные нотки. Слова достигли ее ушей уже вялыми, отяжелевшими от влаги и прозвучали едва ли громче, чем мысли в ее собственной голове.

«Миссис Воган... это ведь я», – подумала Хелена. Но прозвучало это как имя постороннего человека. Она даже смогла представить себе некую миссис Воган, и этот образ ничуть не походил на нее саму. Значительно старше – около тридцати, – с лицом как на портретах в доме ее мужа. Странно было думать, что всего несколько лет назад она была Хеленой Гревилл. Казалось, с той поры прошло гораздо больше времени. Вспоминая сейчас о той девушке, она как будто вспоминала кого-то давно и хорошо знакомого, но уже навсегда исчезнувшего из ее жизни. Хелены Гревилл больше не существовало.

– Слишком холодно для прогулок, миссис Воган!

Холод, да. Хелена Воган сейчас ощущала разные типы холода. Прежде всего, сказывалось отсутствие теплой одежды: пальто, шляпы, перчаток. Сырой холодный воздух пропитывал платье, которое липло к коже, отчего по всему телу, от груди до рук и ног, поползли мурашки. Холод воздуха ощущался и в процессе дыхания, когда он проникал в ее ноздри и легкие, заставляя содрогаться при каждом вдохе. Далее был еще холод самой реки. Этот добрался до нее позднее, медленно принося сквозь толстые доски лодочного днища, зато теперь всю жалил ее лопатки, затылок, ребра, зад и прочие места, которые прижимались к выгнутому деревянному корпусу. Река качала лодку, как колыбель, одновременно вытягивая из Хелены остатки тепла. Она закрыла глаза.

– Вы там, миссис Воган? Дайте ответ, прошу вас!

Ответ... Это слово вызвало в памяти события, происходившие несколько лет назад. В тот раз тетя Элиза ее наставляла: «Подумай как следует, прежде чем дать ответ, потому что такие возможности подворачиваются не каждый день».

Тетя Элиза была младшей сестрой отца Хелены. Овдовев на пятом десятке и не имея детей, она переехала в дом брата, чтобы жить вместе с ним и его дочерью от позднего брака, причиняя им максимум вреда и огорчений, как это виделось Хелене. Ее мать умерла, когда Хелена была еще в младенческом возрасте, и тетя Элиза решила, что племянница нуждается в женском присмотре и строгом контроле. Брат Элизы был эксцентричным человеком и не старался привить дисциплину дочери, да и вообще ее практически не воспитывал. Элиза пыталась этим заняться, однако не особо преуспела. Когда Хелена в первый раз пожаловалась отцу на тетю Элизу, он сказал, подмигивая: «Ей больше некуда податься, Пираточка. Ты просто кивай и соглашайся, что бы она ни говорила, а потом поступай по-своему. Я и сам всегда так делаю». И эта стратегия работала. Отец и дочь жили душа в душу, не допуская вмешательства Элизы в их времяпровождение на реке или в лодочной мастерской.

Но однажды, выйдя вслед за Хеленой в сад, между частыми призывами замедлить шаг тетя Элиза успела поведать множество разных вещей, и без того хорошо ей известных, ибо они касались их семьи. Тетя напомнила Хелене о своей бездетности (как будто об этом было так просто забыть) и далее упомянула о преклонном возрасте и слабом здоровье ее отца. Слушая

вполуха, Хелена незаметно для поглощенной своими речами тети Элизы уводила ее в нужном направлении. Так они достигли реки и пошли вдоль берега. Хелена вдыхала бодрящий прохладный воздух и смотрела на уток, которые ныряли за кормом в струящиеся воды Темзы. Плечи ее инстинктивно напряглись при мысли о веслах. Она уже предчувствовала этот первый толчок от берега, эту встречу лодки с течением... «Поплывем вверх или вниз по реке? – обычно спрашивал ее отец. – Если не в одну, так в другую сторону – и в любом случае это будет приключением!»

А тетя меж тем напомнила Хелене о состоянии отцовских финансов, еще более плачевном, чем состояние его здоровья, а чуть погодя (возможно, Хелена что-то пропустила, поскольку течение ее мыслей подстраивалось под течение реки, а не под поток тетиных слов) уже говорила о некоем мистере Вогане, о его доброте, порядочности и о его процветающем бизнесе.

«Хотя, если ты этого не желаешь, только скажи, и вопрос будет снят раз и навсегда. Я сейчас говорю по поручению твоего отца», – заключила тетя Элиза.

Все это сначала озадачило Хелену, но затем она вдруг поняла, о чем идет речь.

«А который из них мистер Воган?» – уточнила она.

Этот вопрос изумил тетю Элизу.

«Но ты же с ним виделась, и не один раз... Как можно быть настолько невнимательной?»

Однако для Хелены все папины приятели были на одно лицо: старые, блеклые, скучные мужчины. Никто из них не представлял ни малейшего интереса и не мог даже близко сравниться с ее отцом, и Хелена удивлялась тому, что отец тратит время на общение с такими людьми.

«Этот мистер Воган сейчас у папы?»

Она сорвалась с места и побежала обратно к дому, игнорируя протестующие вопли тети Элизы. В саду она перепрыгнула через заросли папоротника и подкралась к окну кабинета. Ей пришлось вскарабкаться на большую цветочную урну и уцепиться за оконный карниз, чтобы заглянуть внутрь, где ее отец курил в обществе какого-то джентльмена.

Мистер Воган оказался не из разряда красноносых седоватых зануд. Теперь она его узнала: с этим улыбчивым, сравнительно молодым человеком ее отец иногда засиживался допоздна под звон бокалов и сигарный дым. Уже в постели она слышала их дружный смех и радовалась тому, что папе есть с кем весело провести вечер. У мистера Вогана были карие глаза, каштановые волосы и такого же цвета борода. Помимо этого, он отличался от остальных папиных друзей странным произношением. Хотя обычно он говорил как все англичане, иногда в его речи проскальзывало что-то непривычное. Заинтересовавшись, Хелена однажды его об этом спросила.

«Я вырос в Новой Зеландии, – объяснил он. – Моя семья владеет там шахтами».

Теперь, сквозь оконное стекло, она внимательно рассмотрела этого вполне обычного человека и не почувствовала к нему неприязни.

Хелена позволила своим подошвам соскользнуть с края урны и повисла, держась за карниз и испытывая приятное ощущение при растяжке мышц рук и плеч. А когда услышала шаги тети Элизы, разжала пальцы и приземлилась под окном.

«Полагаю, мне придется покинуть наш дом, если я выйду за мистера Вогана?» – спросила она.

«Рано или поздно ты покинешь этот дом в любом случае. Твой отец слаб здоровьем. Твое будущее неясно. Разумеется, он хочет, чтобы ты определилась со своим местом в жизни. Если выйдешь за мистера Вогана, ты переселишься к нему в Баскот-Лодж».

«Баскот-Лодж?» Хелена резко остановилась. Ей был знаком Баскот-Лодж – большой прибрежный особняк на необычно прямом и широком участке реки. Вода там была спокойной и гладкой, а река разделялась, огибая остров, и как будто забывала, что является рекой, вообра-

жая себя растянутым в длину озером. Неподалеку находились водяная мельница, Сент-Джонский мост и просторный эллинг... Как-то раз она подгребла близко к эллингу, осторожно поднялась на ноги в своей маленькой лодке и заглянула в открытые ворота. Да, там внутри много чего могло поместиться.

«Мне разрешат взять с собой лодку?»

«Хелена, это дело серьезное. Брак не имеет ничего общего с лодками и рекой. Это обязывающий договор – как перед лицом закона, так и пред ликом Господа...»

Но Хелена ее уже не слушала, убегая во всю прыть по направлению к входной двери дома.

При виде Хелены, ворвавшейся в кабинет, глаза ее отца засветились от радости.

«Ну, что ты думаешь об этой странной затее? – спросил он. – Если она кажется тебе полной чушью, так и скажи. С другой стороны, полная чушь может оказаться именно тем, что нужно, если придется по вкусу... Итак, вверх или вниз по реке, Пиратка? Слово за тобой».

Мистер Воган поднялся со стула.

«Можно мне будет взять свою лодку? – обратилась к нему Хелена. – Смогу я каждый день плавать по реке?»

Мистер Воган не смог ей ответить, онемев от удивления.

«Эта лодка доживает последние дни», – заметил ее отец.

«Все не так уж плохо», – возразила Хелен.

«Она сильно протекала, когда я видел ее в последний раз».

Хелен пожала плечами:

«Я вычерпываю воду».

«Да она сплошное решето! Удивляюсь, как ты на ней все еще плаваешь».

«Когда не успеваю вычерпывать, я причаливаю к берегу, переворачиваю лодку, выливаю воду и потом плыву дальше», – пояснила Хелена.

Эти двое обсуждали дырявую посудину так, словно сами были бессмертными и не могли утонуть ни при каких обстоятельствах.

Мистер Воган переводил взгляд с отца на дочь, слушая их беседу. И понемногу осознавал значимость лодочной темы для его матримониальных планов.

«Я могу отремонтировать ее для вас, – предложил он. – Или куплю вам новую лодку, если хотите».

Хелена подумала. Затем кивнула.

«Это хорошо», – сказала она.

Тетя Элиза, подоспевшая к самому концу разговора, уставилась на Хелену. Похоже, только что они пришли к согласию, но к какому именно? Мистер Воган снизошел до пояснения специально для нее:

«Мисс Гревилл любезно позволила мне приобрести для нее новую лодку. Теперь, покончив с этим делом, мы можем обсудить и менее важные вопросы. Мисс Гревилл, вы не окажете мне честь, став моей женой?»

Что ж, приключение в любом случае...

«Годится», – сказала она и решительно кивнула.

Тетя Элиза почувствовала неладное – предложения руки и сердца не должны делаться и приниматься таким образом – и открыла рот с намерением обратиться к Хелене, но та ее опередила.

«Знаю-знаю: брак – это обязывающий договор пред лицами Господа и закона», – произнесла она, пародируя недавние слова тети. Ей уже случалось видеть, как люди заключают серьезные договоры. И, понимая, что дело сделано, она протянула мистеру Вогану руку для пожатия.

Мистер Воган взял ее руку, повернул ладонью вниз и наклонился, чтобы запечатлеть на ней поцелуй. Настал черед Хелены онеметь.

Ее жених оказался хозяином своего слова. Была заказана новая лодка, а старая отремонтирована, «чтобы пользоваться ею до поры до времени». И вскоре в распоряжении Хелены были уже две лодки, просторный эллинг и участок реки, который она могла называть «своим». Плюс к тому у нее появилась новая фамилия. Ее отец после того прожил недолго. Тетя Элиза переехала в дом своего младшего брата в Уоллингфорде. А потом случилось еще много чего, и Хелена Гревилл была унесена течением событий, так что о ней позабыли все, даже миссис Воган.

В тот самый день она воспользовалась старой лодкой – той, что когда-то принадлежала Хелене Гревилл. Плыть далеко она не собиралась. Вверх или вниз по реке? Нет. Она не искала приключений. Она просто гребла, направляясь к противоположному берегу, а потом позволила лодке дрейфовать, пока не уткнется в камыши.

– Ох, ну и туман! Что скажет на это мистер Воган? – вновь послышался пропитанный сыростью голос.

Хелена открыла глаза. Туман сгустился настолько, что сквозь капельку в уголке своего глаза весь мир виделся ей скрытым за матовым стеклом. Не было видно ничего – ни неба, ни деревьев; невидимыми были даже камыши вокруг нее. Она покачивалась вместе с лодкой, вдыхала влагу вместе с воздухом и смотрела на туман, который лениво двигался, как почти стоячая вода в боковых протоках или как реки в ее снах. Весь мир утонул, оставив ее одну замерзающей в лодке Хелены Гревилл, а снизу давила река, шевелясь, как живое существо.

Она моргнула. При этом слезинка сначала вздулась, а потом стала более плоской, но удержалась на месте в своей невидимой оболочке.

До чего же бесстрашной девчонкой была Хелена Гревилл! Отец называл ее Пираткой, и она была пираткой по своей сути. Тетю Элизу она приводила в отчаяние.

«У реки есть обратная сторона, – рассказывала ей тетя Элиза. – Давным-давно жила непослушная маленькая девочка, которая любила играть на берегу, у самой воды. И вот однажды, когда она отвернулась, из реки появился гoblin. Он схватил девочку за волосы и, как она ни брыкалась, утанул в свое гoblinское царство под рекой. А если ты мне не веришь...»

Верила ли она тогда рассказам тети? Сейчас уже и не припомнишь.

«...А если ты мне не веришь, тогда поверь хотя бы своим ушам. Ну же! Слышишь этот плеск воды?»

Хелена кивала. Она всегда была рада узнать что-то новое и необычное. Гoblins, живущие под рекой, в своем гoblinском царстве. Как здорово!

«Прислушайся к звукам между всплесками. Слышишь? Это пузырьки, очень маленькие пузырьки, которые всплывают и лопаются на поверхности. Эти пузырьки несут послания от всех пропавших детей. А если у тебя достаточно острый слух, ты можешь услышать плач той маленькой девочки и других детей, тоскующих по дому, по своим мамам и папам».

Она прислушивалась. Расслышала ли она что-нибудь? Сейчас она уже не могла вспомнить. Но если бы гoblins утанули ее под воду, ее папа подрос бы к ней на помощь. Это было так очевидно, что Хелена Гревилл с пренебрежением отнеслась к рассказам своей тети, не понимающей самых простых вещей.

С годами Хелена Гревилл забыла историю о гoblins и их мире на обратной, губительной стороне реки. Но позднее Хелена Воган эту историю вспомнила. И стала каждый день отплывать от берега на своей старой лодке, чтобы оживить это воспоминание. Вода ненавязчиво, с неправильными интервалами плескала в борт, река лизала и обсасывала лодку. Хелена прислушивалась к этим звукам и к тому, что было в паузах между ними. Не так уж трудно было разобрать голоса пропавших детей. Она слышала их совершенно отчетливо.

– Миссис Воган! Вы там замерзнете насмерть! Плывите сюда, миссис Воган!

Вода плескалась, лодка покачивалась, и далекий тонкий голос беспрерывно зывал к своим родителям из глубин гоблинского мира.

– Все хорошо, – прошептала она белыми губами и напрягла застывшие мышцы, готовясь приподняться. – Мама идет к тебе!

Она перегнулась через борт, лодка дала крен, а слеза наконец вытекла из уголка глаза и слилась с большой водой. Но прежде чем женщина сместила свой вес дальше и последовала за каплей, неведомая сила резко выровняла лодку, отбросив Хелену назад, так что она вновь растянулась навзничь. Она взглянула вверх и увидела смутную серую фигуру, которая нависла над носом лодки и не позволила ей опрокинуться. Затем эта фигура распрямилась в тумане и приняла очертания мужчины, во весь рост стоящего в плоскодонке. Он сделал движение руками, как будто отталкивался шестом от речного дна, и Хелена почувствовала, как ее лодка мощно рванулась вперед. Скорость продвижения странным образом не согласовывалась с тем, как легко орудовал шестом этот призрак. Река ослабила свой захват, и лодка была отбуксирована к берегу так быстро, что Хелена и опомниться не успела.

С последним толчком из тумана выплыли серые очертания пристани. Там ее ждала миссис Клэр, экономка, а рядом с ней стоял садовник. Он дотянулся до лодки и мигом ее пришвартовал. Хелена встала и с помощью миссис Клэр выбралась на пристань.

– Да вы промерзли до костей! Что это на вас нашло, милочка?

Хелена бросила взгляд через плечо:

– Он исчез...

– Кто исчез?

– Паромщик... Это он доставил меня к берегу.

Миссис Клэр посмотрела на нее с недоумением.

– Ты кого-нибудь видел? – понизив голос, обратилась она к садовнику.

Тот покачал головой:

– Разве что... это мог быть Молчун, как думаешь?

Миссис Клэр нахмурилась и сердитым кивком призвала его заткнуть рот:

– Не забивай ей голову этими сказками! И без того ее дела плохи.

Хелену вдруг начала бить крупная дрожь. Миссис Клэр сняла свое пальто и накинула его на плечи хозяйки.

– Вы нас всех чуть не до смерти напугали, – проворчала она. – Идемте.

Миссис Клэр крепко взяла ее под одну руку, садовник – под другую, и они без остановки проследовали через сад к дому.

Уже на пороге Хелена задержалась и растерянно оглянулась на сад и реку за ним. Дело шло к вечеру, небо начало темнеть, как и туман над водой.

– Что такое? – пробормотала она еле слышно.

– Вы о чем? Что-то услышали?

Миссис Воган отрицательно качнула головой:

– Это не звук. Нет.

– Тогда что?

Хелена склонила голову набок, и ее глаза сфокусировались по-новому, расширив границы восприятия. Экономка последовала ее примеру, и садовник тоже наклонил голову, дивясь происходящему. Это чувство – предвкушение либо нечто вроде того – пришло одновременно ко всем трем, и они произнесли в унисон:

– Скоро кое-что случится.

Старая история

Вот он и на месте. Мистер Воган нерешительно остановился посреди улицы в престижном районе Оксфорда. Посмотрел налево и направо, но шторы в окнах ближайших зданий были слишком плотными, чтобы разглядеть за ними какого-нибудь любопытного созерцателя. Впрочем, с этой шляпой на голове и в такую пасмурную погоду его никто не сможет опознать. В любом случае он не собирался входить внутрь. Он проверил замок саквояжа, тем самым давая себе предлог для задержки, и бросил взгляд из-под полей шляпы на дом под номером семнадцать.

Дом выглядел вполне прилично и солидно, под стать своим соседям. И это стало для него первой неожиданностью. Он предполагал увидеть что-нибудь сразу выделяющее этот дом из общего ряда. Разумеется, каждое здание на улице имело какие-то отличия от прочих, насколько о том позаботились его строители и владельцы. В случае с домом, перед которым он остановился, это был особо изящный фонарь над входом. Но ему представлялись отличия другого рода. Скажем, ярко раскрашенная парадная дверь или нечто фальшиво театральное в складках занавесок на окнах. Однако ничего подобного здесь не обнаружилось. «Они далеко не глупцы, эти люди, – подумал он. – Конечно же, они постарались придать своему жилищу почтенный вид».

Человек, от которого Воган узнал об этом месте, был случайным знакомым, да и тот получил информацию через третьи руки. Из этой уже многократно пересказанной на разные лады истории Воган запомнил следующее: чья-то там жена настолько тяжело переживала кончину своей матери, что стала тенью самой себя – почти не спала, ничего не ела, не реагировала на голоса любимых детей и мужа. Все врачи оказались бессильны, женщина угасала, и тогда ее муж, исчерпав все другие возможности, обратился к некой миссис Константайн. И вот после всего-то пары встреч с этой загадочной особой женщина обрела прежнее здоровье и преспокойно вернулась к исполнению своих домашних и супружеских обязанностей. Конечно, до Вогана эта история дошла в сильно искаженном виде, и на ее правдивость рассчитывать не стоило. Для него это была какая-то галиматья – он никогда не верил в медиумов и тому подобное, – однако, по словам его знакомого: «Какими бы ни были методы этой миссис Константайн, они срабатывают независимо от того, веришь ты в них или нет».

Дом казался безупречно респектабельным. Калитка и дорожка к крыльцу были сама аккуратность. Никакой пузырящейся краски, никаких пятен на дверной ручке, никаких следов грязных ног на ступеньках. Клиенты не должны заметить ни единой мелочи, могущей в последний момент усилить их сомнения, смутить или побудить к отказу от визита. Все сверкало чистотой, и даже самому придирчивому взгляду не за что было зацепиться. Такое место не покажется слишком претенциозным простолюдину или слишком уж скромненьким – богачу. «Да, хозяев дома можно поздравить, – подумал Воган. – Они предусмотрели все».

Положив руку на верхний край калитки, он наклонился вперед, чтобы прочесть имя на бронзовой табличке рядом с дверью: «Профессор Константайн».

Он не смог сдержать улыбки. Не иначе как эта особа выдает себя за супругу университетского светила!

Воган уже почти убрал пальцы с калитки, но замешкался – необъяснимым образом его намерение повернуться и уйти не спешило переходить в соответствующие действия, – когда дверь под номером семнадцать открылась. В проеме возникла служанка с корзиной для покупок. Опрятная, чистенькая, ничем не примечательная – такую мистер Воган и сам бы охотно нанял в услужение. И она произнесла голосом, который был так же опрятен, чист и непримечателен:

– Доброе утро, сэр. Вы пришли к миссис Константайн?

«Нет-нет!» – воскликнул он, да только это восклицание не достигло его собственных ушей, поскольку так и не слетело с его губ. А все попытки объяснить свое появление здесь чистой случайностью были пресечены его собственной рукой, открывшей щеколду калитки, и его ногами, зашагавшими по дорожке к двери. Служанка поставила корзину на пол, и Воган словно со стороны увидел себя подающим ей свой саквояж и свою шляпу, которые она поместила на столик в прихожей. Он уловил запах воска, отметил блеск лестничных перил, почувствовал обволакивающую теплоту – и все это время не переставал удивляться тому, что находится внутри дома вместо того, чтобы идти дальше по улице после якобы случайной остановки по ту сторону ограды под предлогом осмотра саквояжного замка.

– Не угодно ли вам подождать миссис Константайн в гостиной, сэр? – предложила служанка, указывая направление.

Там, за открытой дверью, он заметил огонь камина, вышитую подушку на кожаном кресле и персидский ковер на полу. Войдя в комнату, он тотчас ощутил сильнейшее желание здесь остаться. Он опустился на край большого дивана, и пышные подушки уютно приняли его в свои объятия. Другой конец дивана был занят крупным рыжим котом, который пробудился и замурлыкал. Мистер Воган протянул руку, чтобы его погладить.

– Добрый день.

Голос был спокойным и мелодичным. Благопристойным. Он обернулся и увидел женщину средних лет, с сединой в волосах, которые были собраны на затылке, открывая широкий гладкий лоб. Синее платье с простым белым воротником придавало голубоватый оттенок ее серым глазам. И внезапно мистера Вогана вспышкой пронзило воспоминание о его матери, хотя она нисколько не походила на эту женщину. Его мама под конец жизни была выше ростом, тоньше, моложавее и чуть смуглее лицом. И она уж точно никогда не была такой аккуратисткой.

Воган встал с дивана и рассыпался в извинениях.

– Вы, должно быть, сочтете меня ужасно бестолковым человеком, – начал он. – Мне крайне неловко, и, что хуже всего, я не знаю, как приступить к объяснению. Я находился снаружи, на улице, но без намерения к вам зайти – не сегодня, во всяком случае, мне надо успеть на поезд... То есть я к тому, что терпеть не могу вокзальные залы ожидания, а поскольку до отправления было еще далеко, я решил убить время, прогулявшись по городу и заодно выяснив, где вы живете, чтобы посетить вас как-нибудь в другой раз, – таковы были мои намерения, но случилось так, что именно в этот момент ваша служанка открыла дверь и, естественно, решила... нет-нет, к ней никаких претензий, это просто нелепое совпадение, любой бы на ее месте решил...

Он еще долго продолжал в том же духе. Пытался нащупать разумный подход, ухватить логическую нить, но фразы сменяли одна другую, а разум и логика не желали иметь с ними ничего общего; он чувствовал, что с каждым словом все дальше и дальше отклоняется от того, что хотел сказать изначально.

Пока он говорил, серые глаза невозмутимо смотрели ему в лицо, и, хотя миссис Константайн не улыбалась, ему чудилось нечто ободряющее в этих выразительных морщинках вокруг ее глаз. Запутавшись окончательно, он умолк.

– Понимаю, – сказала она, кивнув. – Вы не думали беспокоить меня визитом сегодня, а всего лишь прогуливались по этим улицам и захотели уточнить, правильный ли вам дали адрес...

– Совершенно верно!

Обрадованный тем, что все так легко разъяснилось, и теперь готовый откланяться, он ждал только ее слов, обычно предваряющих вежливое прощание. Он уже видел себя в прихожей со шляпой на голове и саквояжем в руке. Он уже видел себя в дверях, видел свои ноги на плиточной дорожке перед домом, видел свою руку на щеколде калитки. Но потом он увидел деловитую сосредоточенность в этих спокойных серых глазах.

– Однако так уж вышло, что теперь вы здесь, – произнесла она.

Теперь он был здесь. Да. И он вдруг очень явственно ощутил свое присутствие *здесь*. Казалось, вся комната наполняется этим ощущением, как и он сам.

– Почему бы вам не присесть, мистер?..

– Воган, – сказал он.

По глазам невозможно было понять, знакомо ли ей это имя; она лишь продолжала смотреть на него все с тем же ненавязчивым вниманием. Он сел.

Миссис Константайн налила из графинчика стакан воды, поставила его на столик рядом с Воганом и тоже села – в кресло, расположенное под углом к дивану. И выжидающе улыбнулась.

– Мне нужна ваша помощь, – признался он. – Это касается моей жены.

Ее лицо смягчилось выражением скорбного сочувствия.

– Мне очень жаль. Позвольте выразить мои соболезнования...

– Нет! Я не это имел в виду!

Голос его зазвучал раздраженно. И он действительно был раздражен.

– Простите меня, мистер Воган. Дело в том, что незнакомцы обычно появляются здесь после смерти кого-то из близких.

Выражение ее лица не изменилось; оно оставалось спокойным, но не сказать чтобы безучастным, – более того, оно было вполне дружелюбным, однако миссис Константайн всем своим видом давала понять, что посетителю пора бы уже перейти к сути дела.

Он вздохнул:

– Видите ли, мы потеряли дочь.

– Потеряли?

– Точнее, нас лишили дочери.

– Простите меня, мистер Воган, но в английском языке очень много обтекаемых выражений и слов, касающихся смерти. «Потеряли, пропала...» Это можно понять по-разному. Я только что неверно истолковала ваши слова насчет жены и не хочу повторять эту ошибку.

Мистер Воган слотнул и посмотрел на свою руку, лежавшую на подлокотнике зеленого бархатного дивана. Провел ногтем по материи, оставив полоску на ворсе.

– Возможно, вам известна эта история, если вы читаете газеты. Но даже если не читаете, разговоры шли по всему графству. Это случилось два года назад. В Баскоте.

Она отвела взгляд от собеседника и направила его в пространство, сверяясь со своей памятью. Воган провел пальцем по бархату, заглаживая ворс, так что полоска исчезла. Он ждал, давая ей время вспомнить.

Миссис Константайн вновь посмотрела ему в лицо:

– Думаю, будет лучше, если вы расскажете мне об этом сами.

Плечи Вогана напряглись.

– Я не могу сказать вам больше того, что известно всем.

– Мм... – Звук был неопределенным по интонации: не подтверждал и не противоречил, а лишь обозначал ее участие в разговоре.

Теперь очередь снова была за Воганом.

А он-то рассчитывал, что ему не придется лишний раз это рассказывать. За прошедшие два года у него создалось впечатление, что все и так уже в курсе. Это была одна из тех историй, что с поразительной быстротой распространяются по округе и далеко за ее пределами. Сплошь и рядом на самых разных мероприятиях: деловых встречах, собеседованиях с желающими поступить к нему на службу, собраниях местных землевладельцев, светских раутах в Оксфорде или в Лондоне – при первом появлении в комнате он по взглядам незнакомых ему людей догадывался, что они знают не только его самого, но и его историю. Потом он уже перестал удивляться, хотя привыкнуть к этому так и не смог. «Ужасное несчастье...» – бормотал какой-нибудь имярек, когда их представляли друг другу, и Воган со временем усвоил манеру

принимать соболезнования так, что его вежливый ответ одновременно означал: «И больше об этом ни слова».

В первые дни ему пришлось без конца повторяться, описывая те события. В самый первый раз, подняв на ноги слуг, он обрушил на них целый шквал неразборчивых, яростных и стремительных звуков, как будто его слова сами неслись галопом в погоню за похитителями и за его пропавшей дочерью. Соседям, которые прибыли помочь с поисками, он рассказывал о случившемся отрывистыми фразами, испытывая боль в груди при каждом вдохе. В следующие несколько часов он рассказывал это снова и снова, каждому мужчине, каждой женщине, каждому ребенку, которых встречал во время скачки по сельским дорогам: «Мою дочь похитили! Вы видели здесь чужаков, видели кого-нибудь подозрительного с двухлетней девочкой?» На другой день он рассказал это своему банкиру, к которому примчался за деньгами для выкупа, а позднее полицейскому, прибывшему из Криклейда. Только в последнем случае удалось наконец должным образом восстановить последовательность событий. Они с женой все еще были как в бреду, но в этот раз Хелена приняла участие в разговоре. Они оба ходили туда-сюда по комнате, присаживались, вскакивали и вновь начинали ходить, говорили то по очереди, то одновременно, а порой оба умолкали и глядели друг на друга, не находя слов. Был один эпизод, который он впоследствии очень старался забыть. Хелена описывала момент, когда обнаружилась пропажа их дочери: «Я открыла дверь, вошла, а ее там не было. Ее там не было! Ее там не было!» Она с изумлением, как заводная, повторяла фразу «Ее там не было!», вертя головой по сторонам и обшаривая взглядом верхние углы комнаты, словно малютка могла быть спрятана в стыках перекрытий или где-то за ними, в закутке под стропилами, однако ее не было и там. Казалось, осознание потери затапливало Хелену изнутри, затапливало их обоих, и они пытались с помощью слов вычерпать все это из себя. Но слова были как яичные рюмки, а то, что ими описывалось, было размером с океан, слишком большой, чтобы справиться с ним столь жалкими средствами. Она черпала и черпала, но, сколько бы ни старалась, все усилия были напрасны. «Ее там не было!» – безостановочно повторяла она голосом, какого ему не доводилось слышать ни от одного человеческого существа. Она тонула в своей утрате, а он был словно парализован и не мог ничего сделать или сказать, чтобы ее спасти. К счастью, выручил полисмен. Это он бросил ей спасательный круг, за который утопающая смогла ухватиться; это он вытянул ее на поверхность своим следующим вопросом:

– Но постель была смята, как после сна?

До нее дошел звук произнесенных слов, а затем и смысл вопроса. Приходя в себя, она кивнула и уже своим обычным, хотя и очень слабым голосом ответила:

– Руби уложила ее спать. Руби – это наша няня.

После этого она погрузилась в молчание, и рассказ продолжил Воган.

– Будьте добры, помедленнее, сэр, – попросил его полисмен, который старательно, как прилежный школьник, записывал его слова карандашом в блокнот. – Повторите, пожалуйста, предыдущую фразу.

Он то и дело прерывал их рассказ, чтобы прочитать вслух последние записи, а они его поправляли, припоминали новые подробности, находили нестыковки в своих впечатлениях, согласовывали их и двигались дальше. Любая мелочь могла оказаться важной и навести на след похитителей. Так они потратили несколько часов на то, чтобы составить подробный отчет о нескольких минутах того утра.

Он написал обо всем своему отцу, который жил в Новой Зеландии.

– Не делай этого, – отговаривала его Хелена. – Зачем расстраивать старика, если уже завтра или послезавтра она будет дома?

Но он все же отправил письмо. Вспомнил тот полицейский протокол и взял его за основу при описании случившегося. Среди прочего в письме приводились все основные факты, связанные с исчезновением девочки.

«Неизвестные злодеи пришли среди ночи, – писал он. – Они приставили лестницу к окну детской, проникли туда, забрали девочку и скрылись».

И чуть ниже еще:

«Хотя требование выкупа было получено на следующее утро и выкуп заплачен без промедлений, дочь нам до сих пор не вернули. Мы ведем поиски. Делаем все возможное и не останавливаемся, пока ее не найдем. Полиция будет задерживать речных цыган и обыскивать их лодки. Как только появятся свежие новости, я тебе сообщу».

В письме не было ничего похожего на его собственные ощущения, когда ему буквально не хватало воздуха и каждый вдох отдавался болью в груди. Там не было ни единого намека на охвативший их ужас. У себя за письменным столом через двое суток после тех событий он сухо излагал самую суть: буквы складывались в слова, а те выстраивались в строчки, формировали предложения, затем абзацы – так и составила история пропажи его дочери. Информация уместилась на паре страниц.

Поставив финальную точку, Энтони Воган перечитал письмо. Сказал ли он все необходимое? Он сказал все, что мог. Убедившись, что к сказанному добавить нечего, он запечатал конверт и звонком вызвал служанку, которая отнесла письмо на почту.

Этот краткий сухой отчет, впоследствии много раз им пересказанный на встречах с деловыми партнерами и прочими полужнакомыми людьми, он выложил и теперь. Хотя уже несколько месяцев ему не было нужды произносить эти фразы, оказалось, что он по-прежнему помнит их слово в слово. Менее минуты ушло на то, чтобы ввести в курс дела женщину с серыми глазами.

Он закончил рассказ и сделал глоток из стоявшего рядом стакана. У воды был неожиданный, освежающий огуречный привкус.

Миссис Константайн взирала на него все так же спокойно и доброжелательно. И он вдруг почувствовал, что здесь что-то не так. Обычно в таких ситуациях люди выглядели потрясенными, предпринимали неуклюжие попытки его утешить, сказать что-нибудь приличествующее случаю или растерянно молчали, пока он сам какой-нибудь фразой не направлял разговор в другое русло. Но сейчас ничего подобного не произошло.

– Все ясно, – сказала она. И кивнула, как будто ей действительно все было ясно в этом деле. Но что там могло быть ясного? Разумеется, ничего. – А что с вашей женой?

– С моей женой?

– В самом начале разговора вы сказали, что это касается вашей жены.

– Ах да. Так и есть.

Момент его появления в этом доме, обмен первыми фразами с миссис Константайн – все это показалось ему очень давним прошлым, хотя с той поры минуло не более четверти часа. Пришлось напрячься, потирая пальцами глаза и мысленно продвигаясь обратно во времени через множество преград, чтобы наконец вспомнить, зачем он сюда пришел.

– Понимаете, тут вот какое дело. Моя жена – что вполне объяснимо в данных обстоятельствах – была и остается безутешной. Она не может думать ни о чем, кроме возвращения нашей дочери. Ее душевное состояние ухудшается. Она никого не желает видеть. Ничто не может вывести ее из депрессии. Она испытывает отвращение к еде и почти не спит, потому что во сне ее преследуют самые отвратительные кошмары, какие только можно себе вообразить. Поведение ее становится все более странным – настолько, что сейчас она уже представляет опасность для себя самой. Вот вам один пример: она пристрастилась к одиночным плаваниям по реке в гребной лодке и может плавать часами, одеваясь не по погоде и совершенно не думая о своей безопасности. Она и сама не может объяснить, зачем это делает, а это уже совсем никуда не годится. Я предложил ей уехать отсюда, надеясь, что путешествие пойдет ей на пользу. Я даже был готов продать все, чем владею в здешних краях, и начать с нуля в другом месте, где ничто не будет напоминать о нашей утрате.

– И что она ответила?

– Она сказала, что это отличная идея и, когда наша дочь вернется домой, мы непременно так и сделаем. Понимаете? Если ничего не предпринимать, дальше будет только хуже. Ее терзает не горе, заметьте, – тут нечто гораздо более страшное. Я за нее боюсь. Я боюсь, что она станет жертвой какого-нибудь несчастного случая или закончит жизнь в сумасшедшем доме. И я готов сделать все, что угодно, – абсолютно все, – чтобы это предотвратить.

Серые глаза следили за ним безотрывно, и он понимал, что его изучают, прикрываясь маской заинтересованности и дружелюбия. На сей раз он ясно показал интонацией, что теперь ее очередь высказаться (встречал ли он когда-либо другую столь же малословную женщину?). И она разомкнула уста.

– Вам, должно быть, очень одиноко, – сказала она.

Энтони Воган с трудом скрыл разочарование:

– Речь не обо мне. Я хочу, чтобы вы поговорили с моей женой.

– И что я должна ей сказать?

– Объясните ей, что наша дочь мертва. И что ей необходимо с этим смириться.

Миссис Константайн дважды моргнула. Будь на ее месте кто-то другой, это сошло бы за пустяк, но у такой невозмутимой женщины это могло быть признаком сильного удивления.

– Позвольте пояснить, – сказал он.

– Да уж, сделайте одолжение.

– Я хочу, чтобы вы сказали моей жене, что наша дочь умерла. Скажите ей, что девочка счастлива. Скажите, что она сейчас в раю с ангелами. Используйте потусторонние послания и голоса. Если потребуется, используйте трюки с дымом, зеркалами и чем там еще...

При этих словах он огляделся. Трудно было вообразить эту со вкусом обставленную гостиную в роли помещения для спиритических сеансов, каковые в его сознании ассоциировались со всякими хитрыми магическими штуковинами, тяжелыми темными порттьерами и прочими атрибутами медиумов. Впрочем, она могла проводить сеансы не здесь, а в другой комнате.

– Конечно, не мне вам говорить что и как. Вам виднее, это ваша профессия. Со своей стороны я могу подсказать вещи, которые известны только ей и мне. Вы произведете впечатление, она проникнется к вам доверием и...

– И что дальше?

– Дальше будут печаль, скорбь, слезы и молитвы, после чего...

– После чего ваша жена, оплавав утрату, сможет вернуться к жизни – вернуться к вам?

– Именно так! – Воган испытал благодарное облегчение оттого, что его так быстро и правильно поняли.

Миссис Константайн чуть-чуть склонила голову набок. Улыбнулась ему. Доброй, понимающей улыбкой.

– Боюсь, это невозможно, – сказала она затем.

Энтони Воган вздрогнул от неожиданности:

– Почему невозможно?

Она покачала головой:

– Во-первых, у вас неверные представления – или вас неправильно информировали – относительно характера моих занятий. Эта ошибка легко объяснима. И во-вторых, предлагаемый вами способ все равно не принесет пользы.

– Я заплачу по вашей ставке, какова бы она ни была. Я заплачу вдвое, если понадобится!

– Дело совсем не в деньгах.

– Не понимаю! Тут же нет ничего сложного! Назовите вашу цену, и я заплачу!

– Я глубоко сочувствую вашему горю, мистер Воган. Потеря ребенка – это одно из тяжелейших несчастий, какие могут выпасть на долю человека. – Она слегка нахмурилась. – Но как насчет вас, мистер Воган? Лично вы верите в то, что ваша дочь мертва?

– Иначе просто быть не может, – пробормотал он.

Серые глаза смотрели в упор. В этот миг у Вогана возникло впечатление, что она способна заглянуть в потаенные глубины его души и увидеть то, что было покрыто тьмой даже для него самого. Ему стало не по себе, сердце забилося неровно.

– Вы не назвали мне ее имя.

– Хелена.

– Я не об имени вашей жены. Я о дочери.

Амелия. Имя уже почти слетело с языка, но Воган его проглотил. Почувствовал спазмы в груди, задохнулся, прокашлялся, снова взял стакан и осушил его наполовину. Сделал вдох для проверки: спазмы прекратились.

– Почему? – спросил он. – Почему вы отказываетесь мне помочь?

– Я бы хотела вам помочь. Вы действительно нуждаетесь в помощи. Долго так продолжаться не может. Однако то, о чем вы меня попросили, не только невозможно, но и бесполезно.

Он поднялся с дивана, раздраженно махнув рукой. В какой-то нелепый момент он был близок к тому, чтобы закрыть ладонями лицо и разрыдаться. Но он лишь покачал головой:

– В таком случае я пойду.

Она также поднялась:

– Если когда-нибудь захотите сюда вернуться, добро пожаловать.

– А зачем мне сюда возвращаться? От вас мне никакой помощи не будет. Вы ясно выразились на сей счет.

– Я выразилась несколько иначе. Перед уходом можете освежиться, если хотите. Воду и чистое полотенце найдете вон там.

Когда она покинула гостиную, Воган умылся над тазиком, промокнул лицо мягким полотенцем и почувствовал себя немного лучше. Взглянул на часы. До отхода поезда оставалось полчаса, пора было на вокзал.

Быстро шагая по улице, Энтони Воган проклинал собственную глупость. А что, если эта женщина приняла бы его предложение? Что, если бы он зря свозил к ней Хелену, да еще об этом пошли бы толки? Подобные вещи могли принести какую-то пользу жене того человека, о которой ему рассказывали, но Хелена... Она не походила на большинство других жен.

На перроне, кроме него, было еще несколько пассажиров, ожидающих поезда. Он держался от них в стороне. Не хотел быть опознанным. Он всячески избегал пустых разговоров с шапочными знакомыми; еще хуже было любопытство людей, которые знали его в лицо, а он, в свою очередь, их не узнавал.

Согласно вокзальным часам, до подхода поезда оставалась пара минут, и, стоя в ожидании, Воган поздравил себя: как-никак, он еще легко отделался. Он не знал, какую игру вела эта особа, отказываясь от его денег, но она, без сомнения, рассчитывала крупно поживиться за его счет.

Он был так поглощен размышлениями о недавней встрече, что с опозданием заметил какую-то перемену, прокрадшуюся в его сознание. Потом он это заметил, но, все еще обескураженный странностями дома под номером семнадцать, не сразу отделил те странности от нового, также весьма необычного ощущения. И лишь потом, наконец отделив, смог его назвать: это было предчувствие. Он встряхнул головой, отгоняя усталость. День был долгим и трудным. Он ждал поезда, который должен был вот-вот появиться. Только и всего.

Поезд прибыл. Он вошел в вагон, отыскал свободное купе первого класса и сел у окна. Но предчувствие, впервые посетившее его на перроне, исчезать не спешило. Более того, когда

поезд покинул Оксфорд и Воган посмотрел в ту сторону, где за сгущающимся, сумеречным туманом скрывалась река, это чувство начало усиливаться. А перестук колес оформился в слова, которые прозвучали в его утомленном сознании столь же отчетливо, как если бы их произнес сидящий рядом невидимый человек:

– Скоро кое-что случится.

Ночной кошмар Лили

На противоположном от особняка Воганов берегу, полумилей ниже по течению, находился клочок земли, слишком болотистый даже для выращивания кресс-салата. Там на небольшом удалении от реки росли три дуба, корни которых получали из почвы вдосталь влаги, но все их упавшие наземь желуди гнивали в этой сырости раньше, чем успевали прорасти. Это было богом забытое место, годное разве что для избавления от ненужных щенков, но в давнем прошлом река, вероятно, подтапливала его не так сильно, потому что кто-то однажды построил домишко в аккурат между кромкой берега и троицей дубов.

Сооружение это являло собой прямоугольник приземистых стен из замшелого камня с двумя комнатами, двумя окнами и дверью. Спальни как таковой там не было, но на кухне ступеньки вели к помосту, достаточно просторному для соломенного тюфяка. Одним концом это ложе примыкало к печи, и, если огонь в ней был разведен, голова либо ноги спящего пребывали в тепле по крайней мере до середины ночи. Это убогое пристанище пустовало чаще, чем арендовалось, поскольку лишь самые отчаявшиеся бедняки были готовы поселиться в таком холоде и сырости. По своей незначительности оно не заслуживало собственного имени, однако же, как ни странно, имело целых два. Официально его именовали Болотным Приютом, но местные издавна привыкли к другому названию: Лачуга Корзинщика. Во времена оны некий корзинщик обитал здесь на протяжении двух или трех десятков лет (это на усмотрение старожилов-рассказчиков). Летом он заготавливал и сушил камыш, а зимой плел корзины, снабжая ими всю округу. В покупателях недостатка не было, поскольку работал он на совесть и не слишком заламывал цену. У него не было детей, чтобы его расстраивать, не было жены, чтобы донимать его брюзжанием, и не было никакой другой женщины, чтобы разбить ему сердце. Он был тихим, но не угрюмым, всегда вежливо здоровался со всеми и никогда не ссорился ни с кем. Долгов за ним не водилось, как не водилось и грехов, о которых кто-нибудь что-либо знал или хотя бы мог предположить. И вот однажды утром он вошел в реку, предварительно наполнив карманы камнями. После того как его тело наткнулось на баржу, ожидавшую погрузки у причала, люди отправились к лачуге. Там они нашли припасы: картофель россыпью в каменном чане, початую головку сыра, кувшин сидра, а на полке у очага – жестянку с табаком. Его внезапная кончина повергла всех в недоумение. Он был обеспечен работой и пропитанием, мог себе позволить маленькие радости жизни – что еще нужно простому человеку? Загадочный случай, что и говорить. Тогда-то в одночасье Болотный Приют и превратился в Лачугу Корзинщика.

В последующие годы река методично вгрызалась в берег, вымывая все новые слои грунта. В результате возникали опасные нависающие выступы, которые могли казаться надежными, но на деле зачастую не выдерживали веса человека. А после их неизбежного обрушения преградой для паводков оставался лишь покатый склон, где корешки вербейника, таволги и кипрея тщетно пытались скрепить почву и противостоять натиску водной стихии. Каждое равноденствие, или сильный ливень, или умеренные дожди сразу после жары, или быстрое таяние снегов, или еще какой-нибудь злой каприз погоды – все эти явления сопровождалось разливами реки в низинах. Примерно на середине склона кто-то однажды вкопал в землю столб, который давно прогнил и растрескался после многих погружений в воду, но вырезанные на нем отметки уровня с указанием дат наводнений все еще были видны. Больше всего отметок было в нижней части столба, но немало и в середине, а также наверху. Выше по склону стоял еще один, более поздний водомерный столб. Очевидно, в некоторых случаях первый затапливало полностью. На этом столбе было только две отметки: одна восьми-, другая пятилетней давности.

В этот день близ нижнего столба стояла женщина, глядя на реку. Она зябко куталась в пальтишко, а ее руки без перчаток покраснели от холода. Небрежно заколотые волосы прядами свисали на лицо и сплетались под порывами ветра. От природы они были очень свет-

лыми, и это маскировало пробивавшуюся седину. Но если, судя по волосам, женщине можно было дать меньше ее сорока с лишним лет, то лицо полностью разрушало это впечатление. Невзгоды оставили на нем заметные следы, а морщины на лбу уже стали постоянными. Река, яркая, холодная и быстрая, с тихим шелестящим звуком катила мимо. Порой она всплескивала, а когда после очередного всплеска брызги долетели почти до ее ног, женщина содрогнулась и поспешно сменила позицию, на несколько дюймов удалившись от воды.

Стоя там, она вспомнила историю о корзинщике и поежилась, представляя себе, сколько потребуется смелости, чтобы вот так войти в реку с карманами, полными камней. Она подумала о мертвых душах, якобы обитавших в реке, гадая, кто из них только что проплыл мимо, плюясь в нее брызгами. В который раз она пообещала себе при случае спросить священника об этих мертвых речных душах. В Библии они упомянуты не были – по крайней мере, ей такие упоминания не встречались, – но это не имело значения. Даже самая большая и великая книга не может вместить абсолютно все, не так ли?

Она развернулась и пошла в сторону дома. Рабочий день зимой был не короче летнего, а вот сумерки наступали гораздо раньше. Ей еще надо было позаботиться о домашней живности.

Лили поселилась в этой лачуге четыре года назад. Она представилась как миссис Уайт, вдова, и местные жители поначалу отнеслись к ней недоверчиво, поскольку она избегала говорить о своем прошлом и очень нервно реагировала на самые обычные проявления вежливого интереса. Но по воскресеньям она исправно посещала церковь, безотказно отсчитывала монетки из своего кошелька, когда проводились сборы пожертвований, и постепенно подозрения рассеивались. Через недолгое время она устроилась прислугой в дом священника, где сначала занималась только стиркой, но по мере того, как она выказывала сноровку и похвальное рвение в других делах, круг ее обязанностей расширялся. А два года назад, после ухода на покой старой экономки, Лили стала ее преемницей, взяв на себя всю ответственность за чистоту, порядок и комфорт в доме. Для проживания экономки там были предусмотрены две уютные комнаты, однако Лили не захотела покидать Лачугу Корзинщика – из-за домашней живности, как объясняла она. Местные к ней привыкли, хотя по-прежнему поговаривали между собой, что с Лили Уайт «не все ладно». Была ли она вдовой на самом деле? Почему она так испуганно вздрагивала при неожиданном обращении? Да и какая здравомыслящая женщина предпочтет жить в сыром уединении Лачуги Корзинщика вместо оклеенных красивыми обоями апартаментов в доме пастора, и все ради какой-то козы и парочки свиней? Однако пастор был доволен работой Лили и полностью ей доверял, что не могло не повлиять на его прихожан, которые теперь относились к ней не столько с подозрением, сколько с сочувствием. Пусть она знала толк в домашнем хозяйстве, но при этом, как шептались люди, у самой Лили Уайт явно не все было дома.

Надо признать, что в пересудах людей о Лили Уайт имелась толика правды. Перед законом и Богом она не могла считаться вдовой. Несколько лет она прожила с неким мистером Уайтом, исполняя все обязанности, какие обычно исполняет супруга для своего мужа: готовила ему еду, мыла его полы, стирала его белье, выносила его ночной горшок и согревала его постель. В свою очередь он исполнял нормальные обязанности мужа: обделял ее деньгами, пил эль за них обоих, пропадал невесть где по ночам, когда у него возникало такое желание, и время от времени ее поколачивал. Лили считала это полноценным браком во всех отношениях, и посему, когда пять лет назад мистер Уайт исчез при обстоятельствах, о которых ей не хотелось и думать, она без колебаний назвалась его вдовой. При всех его дурных привычках, воровстве и пьянстве, Уайт носил имя более достойное, чем он заслуживал. Она также не заслуживала столь достойного имени и отлично это знала, но ставила его выше всех прочих имен, из каких могла выбирать. Так и появилась «миссис Уайт». Вскоре она покинула прежнее место жительства и, без какой-либо конкретной цели продвигаясь вдоль реки вниз по течению,

попала в Баскот. «Лили Уайт, – постоянно напоминала она себе. – Я Лили Уайт». И старалась жить, соответствуя этому имени.

Лили отсыпала рыжей козе ее порцию гнилой картошки, после чего отправилась кормить свиней, которым была выделена половина старого деревянного сарая. Это строение из плитняка, крытое соломой, располагалось на полпути между домом и рекой. Высокая узкая дверь, обращенная в сторону дома, была предназначена для людей, а низкое широкое отверстие в противоположной стене использовалось свиньями для выхода в грязевой загончик. Внутри сарай был разделен на две части невысокой дощатой перегородкой. Ту половину, куда зашла Лили, занимали сложенные вдоль стены дрова, мешок зерна, старый жестяной чан с помоями для свиней и пара ведер, наполненных загодя. На полке вверху потихоньку гнили яблоки.

Лили подняла ведра, вынесла их наружу, обогнула сарай и подошла к загону. Вывалила через ограду в кормушку содержимое одного из ведер: подгнившую капусту и другие овощи, превратившиеся в сплошную коричневую массу. Затем из другого ведра налила пойло в корыто. Из хлева показался хряк и, даже не взглянув на Лили, погрузил рыло в кормушку. Следом вышла свинья.

Эта, по своему обыкновению, потерлась боком об ограду, а когда Лили почесала ее за ушами, подняла взгляд на женщину. Свиньи глазки за рыжими ресницами были еще полусонными. «Интересно, видят ли свиньи сны? – подумала Лили. – Если да, то им должно сниться что-то получше их реальности». Свинья меж тем окончательно пробудилась и теперь уже почти осмысленно взглянула на Лили. Занятные твари эти свиньи. Иной раз так посмотрят, что кажется, будто они все понимают. А может, эта свинья что-то вспоминала? Да, так и есть, решила Лили. У свиньи был такой вид, словно она только что вспоминала о каком-то утерянном счастье, о давних радостях, помраченных нынешним унылым прозябанием.

И Лили когда-то знавала счастливые времена, хотя вспоминать об этом сейчас было мучительно. Отца она не помнила – тот умер слишком рано – и до своих одиннадцати лет тихо и мирно жила с мамой. С деньгами было туго, еды вечно не хватало, но они вдвоем как-то перебивались, а после вечерней миски супа укутывались одним одеялом, согревая друг друга, чтобы сэкономить на дровах для печи, и Лили по маминому кивку переворачивала страницы детской Библии, пока мама читала вслух. Лили чтение давалось с трудом. Она путала буквы, а слова на странице начинали дрожать и расплываться, едва почуяв на себе ее взгляд, но когда мама читала вслух своим мягким голосом, строчки замирали на месте, и Лили удавалось следить за текстом, беззвучно повторяя слово за словом. Иногда мама рассказывала ей о папе – как он любил свою маленькую дочурку и не мог на нее наглядеться, а перед тем, как болезнь свела его в могилу, сказал: «В ней все, что есть лучшего во мне, Роуз. И оно останется жить в нашем с тобой ребенке». Со временем она стала воспринимать Иисуса и папу как два обличия одного и того же человека, который постоянно незримо присутствовал рядом, оберегая Лили, и не становился менее реальным из-за своей невидимости. То самое одеяло, та книга, мамин голос, Иисус и папа, оба так ее любившие, – воспоминания об этом лишь усугубляли горечь ее последующего существования. Она не могла без отчаяния думать о том счастливом времени и даже начала желать, чтобы его никогда не было вообще. Безнадежная тоска по утраченному счастью, подмеченная в глазах животного, дала ей представление о том, как выглядит она сама, когда вспоминает прошлое. Если какой-то бог и приглядывал за ней сейчас, то это был очень суровый и гневливый бог; а если папа бы сейчас увидел с небес свою взрослую дочь, то он, скорее всего, поспешил бы отвернуться, глубоко разочарованный.

Свинья продолжала смотреть на Лили, которая сердито отпихнула ее пяточкой, пробормотав: «Тупая чушка», – и зашагала обратно вверх по склону.

Дома она развела огонь в печи, подкрепилась кусочком сыра и яблоком. Критически оглядела свечу, от которой остался лишь оплывший огарок, и решила до поры обойтись без нее. Перед очагом стояло продавленное кресло со множеством разномастных заплат в тех местах,

где прохудилась обивка. Лили устало опустилась в него, однако нервы ее были напряжены. Может, этой ночью вновь заявится *он*? Очень вряд ли, поскольку Лили виделась с ним только вчера, хотя случиться могло всякое. Около часа она просидела, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги за дверью, а потом ее глаза начали слипаться, голова опустилась на грудь, и она заснула.

Река выдыхала сложную смесь запахов, которые проникали внутрь лачуги через щель под дверью. Среди прочего пахло землей, травами, камышом и осокой. Присутствовал и запах сырого камня. И еще чего-то более темного, вязкого, разложившегося.

А чуть погодя река выдохнула ребенка. Маленькую девочку, которая по воздуху вплыла в лачугу, вся синевато-бледная и холодная.

Лили сдвинула брови, не просыпаясь; ее дыхание стало неровным.

Бесцветные волосы девочки прядями липли к черепу и плечам; ее одеяние было цвета грязной пены, что скапливается на кромке речной воды. Вода стекала с ее волос на платье, а с платья на пол. Текла и текла, не ослабевая.

Ужас выдавил из горла Лили булькающий звук.

Кап-кап-кап... Казалось, этому не будет конца: вода будет стекать с нее целую вечность, пока таким образом не осушится вся река. Но вот дите, паря посреди комнаты, направило злобный взор на спящую в кресле женщину и медленно – очень медленно – подняло туманную руку, указывая на нее.

Лили вздрогнула и проснулась...

Речное дитя испарилось.

Несколько мгновений Лили с тревогой всматривалась в ту точку, где ей привиделась девочка.

– Ох! – выдохнула она. – Ох! Ох!

Она прижала ладони к лицу, как будто пытаясь отгородиться от призрака, но при этом подсматривала сквозь пальцы, дабы убедиться, что тот и вправду исчез.

Но легче от этого не стала. Ярость девочки была все еще ощутима. Ах, если бы только она задержалась подольше, чтобы Лили могла к ней обратиться. Чтобы могла сказать ей, как сожалеет обо всем. Сказать, что готова заплатить любую цену, отдать что угодно, сделать что угодно... Но к тому моменту, как Лили вновь обрела дар речи, девочки здесь уже не было.

Лили наклонилась вперед, все еще охваченная страхом, и осмотрела половые доски в том месте, где над ними парило призрачное дитя. В сумеречном свете там можно было различить лишь какие-то темные пятна. Она кое-как выбралась из кресла и на четвереньках поползла по полу. Вытянула руку и кончиками пальцев дотронулась до этой тьмы.

Пол был мокрым.

Лили молитвенно сложила руки:

– Молю, вытащи меня из этой трясины, чтобы я в ней не сгинула. Избавь меня от водных глубин. Не дай мне утонуть в потоке, не дай бездне меня поглотить.

Она торопливо повторяла эти слова, пока ее дыхание не пришло в норму, после чего тяжело поднялась на ноги и сказала: «Аминь».

Однако тревога ее не покидала, и это не было только следствием кошмарного видения. Может, начался паводок? Она подошла к окну. Темное мерцание воды не приблизилось к ее дому.

Тогда это может быть *он*. Неужели придет сейчас? Лили стала высматривать какое-нибудь движение снаружи, напрягла слух. Ничего.

Дело было в чем-то другом.

Но в чем же?

Ответ она получила голосом, который так походил на голос ее мамы, что Лили на несколько мгновений остолбенела и только потом распознала в говорящей саму себя:

– Скоро кое-что случится.

Мистер Армстронг в Бамптоне

«Скоро кое-что случится», – подумали они все. И очень скоро, в редкотском трактире «Лебедь», их предчувствия подтвердились.

А дальше что?

В первое утро после самой длинной ночи в году быстрый цокот копыт по булыжной мостовой возвестил о появлении всадника на улицах Бамптона. Те немногие, кто оказался вне дома в этот ранний час, нахмурились, поворачивая головы в направлении шума. И кого это понесла нелегкая таким аллюром по узким улицам? А когда они увидели лошадь и всадника, недовольство дополнилось удивлением. Они-то грешили на кого-нибудь из местных пустоголовых юнцов, но источником беспокойства оказался чужак, но не обычный чужак: этот, ко всему прочему, был чернокожим. На его лице застыла угрюмая гримаса, а клубы выдыхаемого на морозе пара придавали ему свирепый вид. Когда он перевел лошадь на шаг, немногочисленные зрители, оглядываясь через плечо, шмыгнули от греха подальше в свои дома и крепко заперли двери.

Роберт Армстронг привык к тому впечатлению, которое он производил на незнакомцев. Все ныне близкие ему люди при их первой встрече также держались настороженно. Темная кожа недвусмысленно обозначала его как иноземца, а высокий рост и недюжинная сила, которые были бы преимуществом для любого белого, в его случае лишь порождали тревогу. В то же время животные сразу проникались к нему доверием, инстинктивно чувствуя доброго человека. Взять, к примеру, эту кобылу по имени Флит. Всеми конюхами она была признана слишком норовистой и неукротимой, благодаря чему Армстронг приобрел ее за сущие гроши; но стоило ему сесть в седло, и уже через полчаса они с лошастью были лучшими друзьями. Можно вспомнить и кошку. Тощая тварь с оторванным ухом забрела в его амбар однажды зимним утром, злобно шипя и сверкая глазами на всякого, кто пытался к ней приблизиться, – а сейчас она, едва завидев Армстронга, мчалась к нему через весь двор, радостно мяукая и напрашиваясь на ласку. Даже божьи коровки, летом часто залетавшие ему в волосы или ползавшие по лицу, чувствовали свою безнаказанность: в крайнем случае он мог наморщить нос, чтобы согнать самых надоедливых. Ни одно животное в поле или на ферме не пугалось Армстронга, а вот люди – совсем другое дело.

Один ученый незадолго до того написал книгу (Армстронг знал о ней по рассказам знакомых), в которой выдвинул предположение, что человек – это не более чем разумная обезьяна. Кто-то над ним насмеялся, кто-то негодовал, но Армстронг был склонен ему верить. Он давно заметил, что условный барьер между миром людей и животным царством не является таким уж непроницаемым. Многие из того, что люди считали своими уникальными свойствами: интеллект, доброта, способность к общению, – он также подмечал у свиней, у лошадей и даже у грачей, наблюдая за тем, как они перемещаются скачками либо вальяжно разгуливают по лугу среди его пасущихся коров. И вот что еще интересно: методы, применяемые им к животным, обычно оказывались эффективными и при общении с людьми. В конечном счете ему почти всегда удавалось добиться их расположения.

Но сейчас внезапное исчезновение с улицы людей, всего минутой-другой назад на него глазевших, создавало определенные трудности. Он не ориентировался в Бамптоне. Спешившись, Армстронг дошел до ближайшего перекрестка и там увидел мальчишку, который ползал на карачках по траве рядом с дорожным указателем, чуть не утыкаясь носом в землю. Он играл в марблы сам с собой и так увлекся, изучая расклад шариков после очередного броска, что не замечал холода – и с опозданием заметил подошедшего Армстронга.

Два разных выражения поочередно появились на лице мальчишки. Первое – тревожное – было мимолетным. Оно исчезло, как только в руке Армстронга, словно по волшебству,

появился стеклянный шарик. (Армстронг специально заказал одежду со множеством вместительных карманов, в которых он носил разные предметы, помогающие наладить контакт с кем угодно. Там были желуди для свиней, яблоки для лошадей, стеклянные шарики для маленьких мальчиков и флажка бренди для их старших родственников. В общении с женщинами он больше полагался не на всякие вещицы, а на свои хорошие манеры, правильно подобранные выражения и начищенные до блеска ботинки и пуговицы.) Шарик, показанный им мальчишке, был не простым, а с оранжевыми и желтыми проблесками, похожими на языки пламени, над которым так и тянуло погреть руки. Теперь лицо мальчишки выражало интерес.

Игра возобновилась уже двумя участниками, причем оба действовали с почти профессиональной сосредоточенностью и хладнокровием. Преимуществом мальчика было знание особенностей игровой площадки: какие пучки травы пригнутся и пропустят шарик после удара, а какие будут пожестче и отклонят его от изначальной траектории, – и вскоре выигранный шарик переключал в его карман, как и было задумано Армстронгом.

– Все по-честному, – признал он. – Победил сильнейший.

А мальчишка выглядел несколько смущенным.

– Это был ваш самый лучший шарик? – спросил он.

– Дома у меня есть другие. Но мне, пожалуй, следует представиться. Я мистер Армстронг, и у меня есть ферма в Келмскотте. Здесь я кое-кого разыскиваю. Ты не мог бы мне подсказать дорогу к дому, в котором живет девочка по имени Алиса?

– Это дом миссис Ивис, там ее мама снимает комнату.

– А ее маму зовут...

– Миссис Армстронг – ох! – это ж точь-в-точь как вас, сэр!

Армстронг почувствовал облегчение. Если женщину зовут миссис Армстронг, следовательно Робин на ней женился. Возможно, все обстояло не настолько плохо, как он себе представлял.

– И где находится дом миссис Ивис? Как мне туда пройти?

– Я вас провожу, сэр, так будет лучше. Я знаю самый короткий путь, каждый день ношу туда мясо.

Они пошли пешком; Армстронг вел кобылу в поводу.

– Я назвал тебе мое имя, а вот эту лошадь зовут Флит. Теперь ты знаешь, кто мы, а как зовут тебя?

– Я Бен, сын мясника.

Армстронг обратил внимание, что Бен имеет привычку делать глубокий вдох перед тем, как начать говорить, и затем произносит всю фразу на одном выдохе.

– Стало быть, Бенджамин. Полагаю, ты младший из сыновей, потому что в Библии Вениамином зовут младшего сына Иакова.

– Да, это значит «последний и самый маленький». Так назвал меня папа, но мама говорит, что одним только названием толку не добьешься, и после меня появились еще трое, а теперь и четвертый на подходе. Это вдобавок к пятерым, которые родились раньше, хотя папе для помощи в лавке хватает одного – это мой старший брат, – а все остальные просто нахлебники, мы проедаем семейные доходы и не приносим никакой пользы.

– А что говорит на этот счет твоя мама?

– Да почти ничего, только иногда в том духе, что проедать доходы все же лучше, чем их пропивать. Тогда папа задает ей взбучку, и мама потом молчит несколько дней.

Искоса поглядывая на мальчишку, Армстронг подметил желтоватые следы синяков на его лбу и запястьях.

– Это нехороший дом, сэр. Я о доме миссис Ивис, – сказал Бен.

– Чем же он так нехорош?

Мальчишка подумал, прежде чем ответить:

– Тем, что он плох, сэр.

Еще через несколько минут они были на месте.

– Я лучше постою здесь и подержу вашу лошадь, сэр.

Армстронг передал Бену поводья и добавил к этому яблоко.

– Если ты поделишься им с Флит, станешь ей другом на всю жизнь, – сказал он и направился к двери большого, но в остальном ничем не примечательного дома.

На его стук дверь слегка приоткрылась, явив лицо, почти такое же узкое, как щель, в которую оно выглядывало. При виде его темного обличия заостренные черты женщины перекосились.

– Прочь! Убирайся, черномазый дьявол! Здесь тебе делать нечего! Ступай своей дорогой!

Она говорила чересчур громко и в то же время слишком медленно, как говорят слабоумные или иностранцы.

Женщина попыталась закрыть дверь, но Армстронг успел вставить в щель носок ботинка. Возможно, ее впечатлил вид блестящей дорогой кожи, а может, ей захотелось озвучить свою предыдущую мысль в еще более сочных выражениях, – так или иначе, дверь снова приотворилась. Но прежде чем женщина успела раскрыть рот, Армстронг перехватил инициативу. Он обратился к ней очень вежливо и уважительно, как будто она никогда не называла его черномазым дьяволом и как будто его нога не торчала сейчас в проеме ее двери.

– Простите меня за вторжение, мадам. Я понимаю, что вы очень заняты, и не отвлеку вас ни минутой дольше, чем это будет необходимо.

Она не могла не отметить произношение высокообразованного человека, стильную шляпу и пальто модного покроя. Армстронг понял, что она сделала надлежащие выводы, когда давление двери на его ботинок прекратилось.

– Что вам? – спросила она.

– Если не ошибаюсь, в вашем доме проживает молодая особа по имени миссис Армстронг?

Гаденькая торжествующая улыбка обозначилась в уголках ее губ.

– Она у меня работает. Новенькая. Обойдется вам дороже других.

Так вот что имел в виду Бен, говоря о «нехорошем доме».

– Я всего лишь хочу с ней побеседовать.

– Должно быть, вы принесли письмо? Она ждет его несколько недель. Уже вся извелась.

И остроликая узкая женщина высунула наружу руку с узкими острыми пальцами. Армстронг взглянул на нее и покачал головой:

– Мне было бы очень желательно увидеться с нею лично, если позволите.

– Так это не письмо?

– У меня нет никаких писем. Проведите меня к ней, будьте добры.

Она повела его наверх по лестнице сначала на второй этаж, затем на третий, бормоча на ходу:

– Понятное дело, я сразу подумала о письме, потому как целый месяц слышу от нее по двадцать раз на дню: «Миссис Ивис, для меня нет писем?» и «Не пришло мое письмо, миссис Ивис?».

Армстронг не говорил ничего, но напускал на себя сочувственно-понимающий вид всякий раз, когда она оборачивалась. Лестничная клетка, в ее нижней части не лишенная претензий на роскошь, по мере подъема становилась все более унылой и обшарпанной. Некоторые из дверей, попадавшихся им по пути, были открыты. Армстронг мельком видел неубранные постели и разбросанные по полу предметы одежды. В одной комнате полуодетая женщина, склонившись, натягивала чулок. Заметив Армстронга, она улыбнулась одним ртом, но не глазами. У него сжалось сердце. Неужели супруга Робина стала такой же?

На самой верхней площадке, где краска лохмотьями свисала со стен, миссис Ивис забарабанила в дверь.

Ни звука в ответ. Она постучала вновь:

– Миссис Армстронг? К вам пришел джентльмен.

Тишина.

Миссис Ивис скривила гримасу:

– Не понимаю... Этим утром она точно не выходила из дома, иначе я бы услышала. – Но еще миг спустя ее осенила ужасная мысль. – Удрала втихаря, вот что она выкинула, мелкая паскудница!

Стремительным движением она выхватила из кармана ключ, повернула его в замке, открыла дверь и ворвалась в комнату.

Заглянув внутрь через плечо миссис Ивис, Армстронг сразу все понял. Грязная смятая простыня на железной койке, а на ее фоне – другая, жуткая белизна: откиннутая в сторону рука с растопыренными и окостеневшими пальцами.

– О боже, нет! – вскричал он и прикрыл глаза ладонью, хотя было уже поздно спастись от этого зрелища.

Так он и стоял несколько секунд, зажмурившись, с поднесенной к лицу рукой, а миссис Ивис тем временем жалобно стенала:

– Маленькая дрянь! Задолжала мне плату за две недели! «Как только получу письмо, миссис Ивис...» Лживая чертовка! И что мне теперь делать? Она ела мою еду, спала на моем белье! Считала, что слишком хороша для обслуживания клиентов! «Я вышвырну тебя на улицу, если не будешь платить за стол и кров, – предупреждала я. – Мне здесь не нужны приживалки. Если не можешь платить, ты должна *зарабатывать*». И я настояла на своем. Не бывать такому в моем доме, чтобы девчонка жила в долг и отказывалась расплатиться чем может. И она начала работать, в конце концов. Так бывает всегда с ними всеми. А теперь что же мне делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.